

Михаил Михеев

КОРСАРЫ НИКОЛАЯ ПЕРВОГО
ЧЕРЕЗ ДВА ОКЕАНА

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Михаил Михеев

**Корсары Николая
Первого. Через два океана**

«Издательство АСТ»

2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михеев М. А.

Корсары Николая Первого. Через два океана / М. А. Михеев —
«Издательство АСТ», 2025 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-174770-1

Большая война вышла за пределы Европы. Но если в прошлой истории она захватила только Дальний Восток, то на этот раз география ее стала куда шире. Вырвавшись из плена внутренних морей и объятий Арктики, русская эскадра плотно села на вражеские коммуникации. Найти ее сложнее, чем иголку в стоге сена, а защитить каждый корабль не может даже великолепный британский флот. Но русские пришли не пиратствовать, им надо помочь своей Родине. Когда невозможно вернуться назад, стоит идти вперед. Даже если впереди – два океана!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-174770-1

© Михеев М. А., 2025
© Издательство АСТ, 2025

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Михаил Александрович Михеев

Корсары Николая Первого

Через два океана

*Кто там первым выстроил плот —
Три бревна и одно весло...
Одинокством захлестнет
Флибустьерское ремесло.
Вместо «Здравствуй» — «три R» в эфир,
Место встречи обычно — бой,
Только небо над головой...*

Алькор «RRR»¹

© Михаил Михеев, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

– Мустафа, вот ты же крещеный. А почему имя у тебя татарское?

Разговор шел лениво, чему вполне способствовала погода. Солнце, жара... Местные туда-сюда снуют на своих лодках, предлагая свежие овощи и фрукты. Кое-что у них даже купили, хотя, конечно, с осторожностью. Да и вообще, доктор запретил употреблять местные продукты в пищу до тех пор, когда их тщательно прожарят или сварят. Ну, с фруктами чуть проще, но тоже – с осторожностью и не усердствуя чрезмерно. А то двое уже отправились к праотцам, словив местную заразу. Болели-то вначале с непривычки многие, но их в большинстве удавалось лечить, а этим не повезло.

Но, если соблюдать осторожность, стоянка на Кубе выглядела сплошным удовольствием. Отличная погода, море, которое словно просит, чтобы в нем искупались. Опять же, местные женщины – хотя большинство из них негритянки, но русские по этому поводу каких-либо предубеждений не испытывали. Главное, чтоб мордально ничего и фигура что надо, а ночью все кошки серы. Особенно ночью местной, черной, как смоль. Ее, кажется, даже лунный свет не пробивал.

В общем, хорошее место. Не зря Диего присоветовал его в качестве стоянки перед походом. Отдых команде дать следовало, а здесь и отдохнут, причем, что не менее важно, отдохнут безопасно. Заокеанская колония Испании умело пользовалась нейтральным статусом метрополии. Правда, в теории, время пребывания эскадры воюющего государства в нейтральном порту жестко ограничено, однако на это традиционно смотрели сквозь пальцы.

– Да у нас священник понимающий был, – усмехнулся Сафин, не отрываясь от листа дешевой серой бумаги. Он сейчас был очень занят, решая задачу по навигации. Верховцев понятия не имел, даст ли его затея результат, но всеми силами повышал образовательный уровень тех, кому мог доверять. Мало ли как повернется дело в будущем. – Он говорил: «Все равно же по-своему звать будете, не стоит во искушение вводить», и оставлял имена старые. Не знаю, было ли ему за то наказание, но никто его не убирал, крестить он продолжал так же, а потому, думаю, нет.

Александр кивнул и непроизвольно зевнул – под местным солнцем его изрядно размолило. И это притом, что сидел он в одной легкой рубаше, водрузив на голову широкополую шляпу из соломы вроде тех, что таскали местные. А будь он в форме – страшно подумать! Расплавился бы, наверное.

Но, стоит признать, отдых они заслужили. Уже одним переходом через океан, в котором подтвердились опасения Верховцева. Трофейный линкор хоть и носил теперь другое имя, оставался все той же шведской посудиной, рассчитанной на внутренние моря. И мореходность от смены имени ничуть не улучшилась. Проще говоря, «Адмирал Бойль» для океанских переходов не годился совершенно.

Если до Исландии эскадра добралась без серьезных проблем, то буквально на следующий день после того, как они покинули остров снега и вулканов, начался шторм. Нормальное явление для осени, да и не особо сильный, но Александр всерьез сомневался, что увидит свой линкор еще хоть однажды. Корабль валяло на волнах так, что казалось, он в любой момент перевернется.

Но Диего был опытным моряком и, несмотря на все проблемы, сумел не только сохранить корабль, но и избежать серьезных повреждений. И второй шторм, более короткий, он тоже выдержал. Так что к побережью Северной Америки русская эскадра вышла в потрепанном, но все же боеспособном состоянии.

Правда, им почти сразу пришлось выдержать бой. Откровенно говоря, Александр не ожидал встретить здесь английские военные корабли. Торговые – сколько угодно, все же Канада – часть Британской империи, да и Соединенные Штаты активно торговали и с бывшей метрополией, и вообще с Европой. С Россией тоже, но сейчас война... Неважно. Главное, корабли, идущие с грузом всего, что могла дать сидящему на голодном пайке в плане ресурсов Старому Свету (точнее, его западной части), были вполне ожидаемы. А вот боевые корабли – нет.

Расклад был прост. Британский флот, плюс их союзники, могли выставить огромные силы, в разы превосходя русских визави по численности. Но нельзя быть сильными везде. Основная масса кораблей этим летом была сконцентрирована на Черном и Балтийском морях, остальное размазалось, как масло по караваю. И быстро восстановить баланс, пополнив второстепенные группировки, британцы не смогли бы при всем желании. Да и зачем? Удара в мягкое подбрюшье империи никто не ожидал. Так что кораблей у них здесь и сейчас оказалось убегающе мало. Но, увы, теория хороша в тиши кабинетов, а в море все иначе. И, так уж случилось, эскадра Верховцева нарвалась у берегов Канады на британский патруль.

А с другой стороны, кто на кого нарвался? Два корвета без паровых машин были явно не той силой, которая смогла бы остановить даже «Эвридику», не говоря уже об «Адмирале». «Миранда» и «Архангельск» были примерно равны им... В общем, когда британцы, решившие посмотреть, с кем их свела океанская дорога, увидели русские флаги и поняли, кто на них идет, было уже поздно.

В такой ситуации, наверное, самым лучшим выходом было бы сдаться. Но английские моряки сделаны не из того теста. Вначале они попытались уйти, но, обнаружив, что «Эвридика» в плане скорости рядом с ними, как призовой рысак против ломовых кляч, вступили в бой и даже попытались атаковать. В общем, храбрые были люди и достойные противники.

Стоило признать, Матвеев вписался в новые реалии даже лучше остальных. Будучи в недавнем прошлом человеком гражданским, он на удивление хорошо командовал рейдером, удачно сочетая пиратскую лихость и купеческую обстоятельность. Вот и сейчас он, настигнув британские корветы, дал залп по такелажу ближайшего, тут же сделал поворот оверштаг и практически в упор разрядил туда же пушки другого борта. Рухнули сразу три реи, заполоскались в воздухе разорванные паруса. Всё, не тратя больше времени, фрегат двинулся ко второму противнику.

Здесь, правда, Матвееву пришлось немного поманеврировать, не атакуя, а, наоборот, уклоняясь от атаки. Орудия «Эвридики», только что разряженные, еще не успели подготовить. Но подскочили «Миранда» и «Архангельск», тут же связавшие корвет боем, а на утративший преимущество в скорости первый бриг надвинулась громада «Адмирала». На противостояние бортовому залпу линейного корабля британец рассчитан не был и, соответственно, пережить

его шансов не имел. Залп в упор снес корвету половину борта, после чего, оставив стремительно кренящегося побежденного, «Адмирал» устремился ко второму очагу схватки.

Впрочем, там он был уже лишним. Три корабля сильнее, чем один, и британец уже погружался – подводных пробоин заработать успел в избытке. Линкору не потребовалось даже открывать огонь – всё решили без него.

Итак, результат короткого, длившегося меньше часа боя: у русских – с десятков попаданий английскими ядрами, что с учетом «размазывания» их по четырем целям несерьезно, и с полдюжины легкораненых, в основном – отлетевшими щепками; у британцев – потеря двух неплохих кораблей, экипажи которых были взяты в плен – не топить же их, в самом-то деле. Хотя, учитывая, что они порой творили, мысль перспективная.

На то, чтобы вытащить из воды тонущих, времени потратили не меньше, чем на сам бой. Лечь в дрейф, спустить шлюпки... Британцы успели спустить едва пару штук, со второго корабля. На первом попросту не смогли – лежащийся на борт корвет подмял их под себя. Так что русским пришлось довольно продолжительное время рассекать волны, собирая кое-как держащихся на воде, цепляющихся за обломки людей. Вытащили всех, кого заметили, и, как выяснилось, потери британцев в людях оказались сравнительно невелики. Можно сказать, повезло.

У Александра происшедшее вызвало смешанные чувства. С одной стороны, победа над пускай небольшими, но полноценными боевыми кораблями англичан в классическом морском бою. Такое всегда вызывает легкую эйфорию и воодушевление. С другой... Он сам начинал на корвете. Один класс кораблей, выполняющих сходные задачи, предполагает и сходный внешний вид. Законы природы едины для всех, и, чтобы получить одинаковый результат, применяются очень близкие решения. И вид гибнущих кораблей, напоминающих видом «Князя Варшавского», был не слишком приятен.

Однако предаваться самокопанию, свойственному многим русским, не было времени. Вначале требовалось узнать, с кем их свела судьба. Благо спросить было у кого. И пришлось заниматься одной из не самых приятных обязанностей командира – допросом пленных.

С британских офицеров купание в холодном океане порядком сбило спесь. Они, конечно, делали гордый вид, но простейшую угрозу отправить их обратно за борт сочли достаточно веской причиной для того, чтобы перестать демонстрировать знаменитую английскую негибаемость. Спесь и высокомерие остались, но ответам на вопросы они не мешали. Так что – пусть их.

А может, тут сыграло роль то, что крупный даже по русским меркам Александр по сравнению с британцами выглядел несколько устрашающе. Плюс, по совету Куропаткина, расположился так, чтобы глядеть на стоящих перед ним британцев сверху вниз. Образ неплохо дополнялся повязкой на лбу – Верховцев оказался в числе немногочисленных раненых. Точнее, поцарапанных, кошка может постараться сильнее. Но – кровоточило, и врач, интеллигентно матерясь, заматал голову командира. Теперь со стороны казалось, что здоровяк раздражен и жаждет крови. В общем, если он сядет отдохнуть на крокодила, тот замрет и на всякий случай притворится бревном. На пленных подействовало более чем успешно.

И все же, когда допрос закончился, одному из британцев достало наглости поинтересоваться, не боятся ли русские связываться с сильнейшей в мире державой. Она ведь может и вспомнить такую наглость. Потом... Когда-нибудь...

Александр лишь отмахнулся в ответ:

– Мы, русские, закопали за свою историю слишком много врагов, чтобы всерьез вас бояться.

Британец открыл было рот, чтобы что-то возразить, но собравшиеся вокруг русские разразились таким дружным хохотом, что ему оставалось лишь вновь принять надменный вид и заткнуться. А то русские – они ведь варвары, состязания в высокомерии могут и не принять,

а вместо этого и впрямь за борт выкинут. Словом, лучше заткнуться и промолчать – глядишь, дешевле обойдется.

Стоило признать, рассказали пленные много интересного. И главное, объяснили, с чего они тут оказались. Русских-то не ждали – считалось, что их флот надежно заперт во внутренних морях. Так, в принципе, и было, хотя и успехи самих англичан (а также французов и прочей мелочи) выглядели сомнительно. Особенно на Балтике. На Черном море хотя бы десант высадили, и сейчас там у русской армии возникли серьезные проблемы. А вот на Балтике британцы лишь поугали русских издали, но к фортам Кронштадта приблизиться так и не рискнули. Отчасти из-за мощных береговых батарей и стоящего наготове внушительного по численности флота, а отчасти из-за установленных русскими мин.

Дошло до трагикомедии – одну из мин выловили, представили британскому адмиралу – и она взорвалась. Адмирал, по слухам, ткнул в мину тростью, в результате чего заработал ожоги лица и то ли лишился глаза, то ли повредил его. И повезло им еще, что заряд взрывчатки отсырел и не рванул во всю мощь, а лишь слегка «пшикнул». Рвани он всерьез, и «Эксмуту», флагману адмирала Сеймура, не поздоровилось бы. Но и случившегося хватило для выводов, урок был усвоен, и британцы ограничились мелким пиратством. Тем не менее задачу свою эскадра союзников выполнила, связав русский флот и не дав ему проводить активные действия.

Так что не русских опасались те, кто послал в патруль эти корветы. Намного больше их настораживали ближайшие соседи – янки, народ, известный беспринципностью и сребролюбием. Тот факт, что большинство из них имели предков – выходцев с Британских островов, ничего не значил. Скорее, наоборот – янки было, с кого брать пример. И ныне имелся серьезный шанс, что они могут отправиться перехватывать британские корабли, списав результат на вездесущих русских. А что? С них станется, тем более что английские купцы были им конкурентами, причем серьезными. Грешно таким гадость не сделать.

Ну что же, раз здесь началось такое веселье, то почему бы не принять в нем участия? Тем более, раз побережье Канады оказалось не прикрыто. А потому британцев доставили в Галифакс. Ну и, памятуя о том, как эта нация «просвещенных мореплавателей» вела себя с русскими деревнями, церемониться не стали. Галифакс запылал...

Внезапный артиллерийский налет и последовавший за ним десант ошеломили британцев. Они слишком привыкли к безопасности, к тому, что их флот контролирует океан. И вид огромного корабля, разворачивающегося бортом к причалам, не вызвал у них какого-либо страха. Аккурат до момента, когда этот борт окутался дымом, и рев сорока орудий, бьющих в упор, избавил жителей города от иллюзий.

Русские корабли в считанные минуты подавили неловко организованную попытку сопротивления, после чего десант добил уцелевших. Откровенно говоря, стоило бы, в полном соответствии со старыми воинскими традициями, отдать город на разграбление. Три дня законного безумия... Однако Верховцев опасался, что британцы, сообразив, что десант не так уж многочислен, сумеют организовать и попытаться нанести ответный удар. В любом случае это – неоправданные потери, а зачем? Добычи хватит и в порту. Грабить надо организованно – добычи так больше, а риска – меньше.

Сейчас в порту Галифакса стояло аж пять торговых кораблей. Один, правда, успели разгрузить, и на нем велась смена мачты, но четыре других оказались с полными трюмами. Два только пришли из Европы, а два как раз собирались туда отправиться.

Торговые корабли, брошенные экипажами, лакомый кусок. Теперь предстояло буквально «на коленке» организовать команды для трофеев, на корабли, которые не были готовы к переходу, загрузить провизию и воду. На своих кораблях, кстати, тоже пополнить запасы. Опять же, порт выпотрошить насчет чего-то особо ценного. Вроде денег, например. А перед уходом поджечь здесь все – чем больше проблем у британцев, чем больше убытков они понесут, тем лучше России.

Переход до Бостона прошел без каких-либо сложностей. Расстояние небольшое, ветер попутный, экипажи опытные. Город этот Александр выбрал по двум причинам: во-первых, относительно недалеко, а во-вторых, британцев там традиционно недолюбливают. Именно с Бостонского чаепития и начался когда-то процесс отделения Соединенных Штатов от метрополии.

Правда, как объяснял в свое время Александру отец, там все обстояло несколько иначе, чем утверждали янки. Они-то говорили всем – и, в конце концов, поверили в это сами – что сражались за свободу. На самом же деле вопрос был исключительно денежный. Слишком много налогов и пошлин наложила метрополия. Ну да сейчас это не слишком волновало Александра. Главное, в этом городе осталось предвзятое отношение к британцам и, соответственно, достаточно лояльное к их противникам. И грешно было этим не воспользоваться.

Бостон встретил русских довольно радушно. Впрочем, янки хорошо встречают любого, кто готов платить. И так же легко их продают тем, кто готов заплатить больше. Не все, разумеется, но насчет их правительства Верховцев не обольщался. А потому у него имелся план, который родился после допроса британских офицеров. Позже его обсудили на совете капитанов, одобрили и дополнили. И вот теперь предстояло узнать, сработает ли идея. Честно говоря, Александр в этом сомневался, но отказаться, даже не попробовав...

Так что, проведя переговоры с представителями местных верфей и договорившись о ремонте кораблей (их кубышка разом показала дно, однако продолжать поход без ремонта выглядело неоправданным риском), он двинулся к мэрии, попутно осматривая город. Ради этого даже не стал брать извозчика – с его точки зрения, кататься по столь небольшому поселению на наемном экипаже не имело смысла. Да и посмотреть, как живут в этих местах, хотелось – все же за океаном он был впервые.

Стоило признать, увиденное его не впечатлило. Небольшой уездный городок, не более того. Ну да чему удивляться? Какова страна – таковы и города, и если те же Франция, Англия или Россия заслуженно считались державами, то Соединенные Штаты были государством даже не второго, а третьего ряда. Быстро развивающимся, но, судя по увиденному, в ближайшем будущем к лидерам приблизиться не способным. Поэтому тот факт, что город, считающийся здесь крупным, больше напоминал масштабами что-то, по меркам России, провинциальное, удивляться не приходилось.

А вот верфь тут была серьезная, и работать на ней умели. Во всяком случае, «Адмирала» приняли вполне профессионально, и работы начали без промедления. «Миранду» обещали взять в работу завтра. Что же, многоопытные Диего и Матвеев присмотрят за ходом работ лучше, чем Верховцев. А на долю командира остались переговоры – тоже дело своеобразное, и блеск эполет на парадном мундире тут должен был оказаться к месту.

Вот и шел капитан-лейтенант Верховцев по грязноватой улице, скользя взглядом по таким же грязноватым домам. Состоянию дорог не было смысла удивляться – недавно прошел дождь, и вся пыль, скопившаяся под ногами, превратилась в отвратительное месиво. Оставалось радоваться, что на ногах сапоги – испачкаются, конечно, но хотя бы ноги не промокнут.

Впрочем, как оказалось, грязь под ногами не повод сидеть под крышей. Во всяком случае, группа молодых людей в изрядно побитой жизнью одежде вышла из переулка и преградила Александру путь, не обращая внимания на то, как грязь хлупает в дырявых ботинках. Более всего они напоминали отребье с какого-нибудь рынка там, дома. Тоже могут «принеси-подай» за копеечку малую, а могут и карманы неосторожному прохожему вывернуть. Единственно, хамства здесь побольше – дома на офицера, да еще и в городской черте, напасть вряд ли бы рискнули. Дикий народ...

Пожалуй, не стоило идти сюда одному, хладнокровно подумал Александр, оглянувшись и убедившись, что позади него материализовались еще четверо, а праздный люд, напротив,

испарился, будто его и не было. Что же, котятя вообразили себя волками. Ну, их право, они на мостике под картечью не стояли.

Александр даже не замедлил шаг. Для молокососов это было неожиданностью, однако смущаться и осадить лошадей они не спешили, демонстративно вынув ножи. Один, видимо, главарь, открыл рот и начал говорить, но Александр даже не напряглся слушать. Вместо этого он спокойным движением достал револьвер и все так же, не замедляя шага, прострелил ему колено.

А вот это их проняло. Видимо, не привыкли, что вместо того, чтобы покорно отдать кошелек, их примитивно убивают. Впрочем, уже второй выстрел смог вернуть им чувство реальности. Врассыпную они бросились, как зайцы, нецензурно завывая от ужаса. Верховцев обернулся, убедился, что те, кто перекрывал ему путь к отступлению, исчезли, будто их и не было здесь никогда, и шагнул к лежащим в грязи раненым.

Тот, что был у оборванцев за главного, лежал, очевидно, потеряв сознание. Ну, чему удивляться, нога у него теперь сгибаться не будет никогда. Это если ее доктор вообще не отрежет. И если парень жив останется и к этому доктору попадет. Впрочем, в душе ничего не шевельнулось – за последнее время Александр ожесточился, привык к чужой и своей боли, научился смотреть на мир поверх мушки. Помрет – да и пес с ним.

Второй пострадал меньше – руку подбросило при выстреле, и пуля ударила чуть выше. Если кость не задета – быстро зарастет, отстраненно подумал Александр и начал поднимать пистолет. Вообще-то, для того, чтобы сунуть его в кобуру, но раненый воспринял это движение на свой счет.

– Не надо, дяденька! Пожалуйста, не надо!

Местный английский был так же далек от того языка, что изучал Александр, как в России речь подворотен отличается от стихов Пушкина и Лермонтова. Но, несмотря на это, понял его Александр без усилий – большая практика за последние месяцы пошла на пользу. Внимательно присмотрелся и едва не сплюнул. Мальчишка. Вряд ли ему больше четырнадцати лет. Вот ведь...

Но предаваться самобичеванию он не стал. Вряд ли этот парень отказал бы себе в удовольствии сунуть жертве нож под ребро, будь у него возможность сделать это безнаказанно. Кто выходит на кривую дорожку, рискует закончить жизнь в канаве. А потому пускай лежит да рану зажимает – глядишь, это добавит ему в голову немного мозгов. Пригодятся в будущем.

С этими мыслями, а заодно и с внезапным пониманием, что, несмотря на стрельбу, местных городских не слышно и не видно, Александр пожал плечами и зашагал дальше, чтобы буквально через неполную сотню саженей обнаружить искомое. Проще говоря, мэрию, которая была таким же серым и неинтересным в плане архитектуры зданием, как и все в этом городе.

Ничего похожего на швейцара у входа не обнаружилось. Надо признать, в плане представительности местный городской голова явно не дотягивал. В родных пенатах любой чиновник, считающий себя чем-то значимым, поставил бы у дверей саженного роста дылду, задачей которого было бы двери распахивать да впечатление производить. Здесь же, похоже, о важности церемониала представление имели весьма поверхностное, и двери посетителям приходилось открывать самим. Впрочем, у каждой Марфушки свои игрушки, и не стоило лезть в чужой монастырь со своим уставом.

Мэр, краснорожий толстяк, явно злоупотреблял спиртным. Очень уж несло от него смесью запахов несвежей одежды, перегара и табачного дыма. Тем не менее ходил он шустро, говорил быстро и явно обладал живым и рациональным умом. Во всяком случае, речь Верховцева он выслушал внимательно, после чего надолго задумался. И было от чего.

Предложение русских было насквозь понятным и могло принести хорошие барыши в случае успеха. И серьезные неприятности при провале. Но, с другой стороны, шансы на успех все же выглядели предпочтительнее. Ведь доказать кому-то что-то будет ой как сложно.

А ведь просто все, на самом деле. Британцы боятся, что американцы, воспользовавшись бардаком и отсутствием в Канаде серьезных военных кораблей, устроят охоту на их торговые суда. Может, кстати, уже и воспользовались – мэр, судя по всему, был тем еще пройдохой и запросто мог вести дела с кем угодно. Но ведь русские-то вот они! А значит, можно и впрямь развернуть охоту, почистить британских купцов, а трофеи продать по сходной цене здесь же. И наверняка можно сделать все законно, как ни крути, а сам захват кораблей будет вполне освященной традицией. Главное, всем выгодно. Русским – деньги и, если что, ремонт, местным – уничтожение торговли конкурентов, трофейные корабли и грузы по сходной цене. Главное, бухту выбрать подальше да потише, чтобы там постоянно базироваться и там же трофеи передавать. Но как раз с такими местами на любом побережье дела обстоят неплохо, а здесь, на полудиком материке, с ними и того проще. Остается решение мэра – соглашаться на сотрудничество, или же русские могут отправиться дальше. Благо портов в Соединенных Штатах более чем достаточно и мэров, готовых поправить свой бюджет, тоже хватает.

Надо отдать ему должное, мэр умел думать быстро. А вот принимать решение побаивался. Поэтому, немного подумав, он предложил Александру отложить разговор. Скажем, до завтра. Тогда он постарается собрать здесь людей, в подобных делах более компетентных, и вот тогда... Что же, результат переговоров хуже, чем хотелось бы, но куда лучше, чем мог бы быть, а потому Александр на перенос разговора согласился с чистой совестью.

В ставшей уже привычной капитанской каюте «Миранды» его ждали обед и успевший соскучиться Васька. За время походов рысенок изрядно подрос и растолстел – любимец всего экипажа привык спать в капитанской каюте, но лакомства брал у всех. Неудивительно, что он набрал лишний вес, и Алена уже не раз пыталась оградить его от чревоугодия. Увы, безуспешно.

Вот и сейчас Александр не удержался и выдал голодному и несчастному животному колбасу. Рысенок сглотнул кусок, будто его и не было, после чего, ловко запрыгнув на книжную полку, свернулся клубком и задремал. Только кисточки на кончиках ушей едва заметно подергивались, улавливая малейший шум. И можно было не сомневаться: надо будет – прыгнет быстрее, чем хозяин успеет моргнуть. Крыс он, несмотря на свой нежный возраст, давил знатно.

Пожалуй, в будущем из него вырастет красивый зверь. И крупный, намного превосходящий размерами своих диких собратьев. Что, в общем-то, и неудивительно – в отличие от живущих в лесу рысей, вопрос питания перед ним не стоял. Хорошо кушаешь – быстро растешь, вот и вся хитрость.

Усмехнувшись своим мыслям, Верховцев принялся и кивнул удовлетворенно. Еда пахла необычно, но вкусно. Зря, что ли, он приказал сразу, как они пришвартовались, освободить их главного кока на время стоянки – пускай отдохнет. Еду доставили с берега – здесь были неплохие рестораны, и за крупный заказ ухватились с радостью. Даже о конкуренции забыли, с похвальной скоростью организовав на берегу кухню-переросток. Так что с сегодняшнего вечера командам предстояло испробовать образцы местной кухни. А чтобы поварихи не застоялись без дела, им было сказано наблюдать, что и как готовят, дабы освоиться с местными продуктами. Но вначале – отдохнуть! А то весь переход готовить на такую ораву – это ж сколько надо сил.

Однако же стол был сервирован по всем правилам. Все же Алена, даром что родом из глухой деревни, с такими нюансами освоилась быстро. Хорошо еще, ложки с вилками положила обычные, а то как-то по незнанию, а может, из врожденной вредности, достала особый комплект.

Воспоминания невольно вызвали у Александра еще одну улыбку. Тот комплект достался ему, в числе прочего, во время грабежа Галифакса. Сам Верховцев в этом не участвовал, разумеется, честь русского офицера и все такое... Хотя британцы подобным не брезгают. Только вот стоит ли им уподобляться?

Так вот, сам не участвовал, но людям своим прибирать к рукам понравившиеся мелочи не запрещал. И те воспользовались его закрытыми глазами на всю катушку. Что за дома они успели обнести, Александр понятия не имел, но явно не самые простые. Во всяком случае, кое-что, случайно виденное им, было отнюдь не дешевеньким. Команды явно входили во вкус пиратства.

Но, стоит отдать морякам должное, своих командиров они не забыли. На «Миранде», к примеру, штурману достался целый сундук карт, приборов и прочей узкопрофессиональной мелочовки. Доктору притащили почти все содержимое разграбленной начисто аптеки. Очень полезное приобретение, к слову. Больше всего Александра впечатлил новенький, блестящий набор хирургических инструментов. Вид у них был настолько устрашающий, что Александра при одном только взгляде на эти пилы и крючья пробивала дрожь. А доктор ходил довольный, как обожравшийся сметаны кот, и явно жалел, что не на ком испытать доставшееся ему великолепие. Маньяк, как есть маньяк!

Александр матросы тоже притащили подарок. Не столь впечатляющий, но зато куда более необычный. Даже три подарка, но один из числа тривиальных. Вековой давности шпага с рукоятью, отделанной серебром. Второй... Более всего это напоминало католический крест, сработанный из железа и весящий чуть больше пары фунтов. По виду довольно старый, богато украшенный чеканкой и, как ни удивительно, с острыми, как стилеты, краями.

Александр только глазами хлопал, не понимая, что это, пока Диего, великий знаток оружейной экзотики, не объяснил. Оказывается, боевой крест, который, по слухам, изобрели в каком-то монастыре. Такой можно метнуть и попасть в цель проще, чем ножом – острия-то четыре. Можно ткнуть, как стилетом. Можно ударить вместо чекана². Главное, свою руку при этом не повредить.

Раньше, говорят, было довольно распространенное оружие – простое, дешевое. Этот экземпляр явно сделали в качестве подарка кому-то, вот и украшен, а что попроще могли сварить из пары железных полос в любой кузнице. Лет триста назад его использовали широко, сейчас, конечно, нет – пистолет удобнее и эффективней. Но Диего нечто подобное в доме отца видел. Остался от древних времен. Так что, если Верховцев имеет желание собрать коллекцию оружия, это для нее неплохой экземпляр. Оставалось лишь пообещать подумать – оружейная экзотика Александра не то чтобы привлекала, но все же было в ней что-то притягательное. Так что и второй подарок занял свое место на полке шкафа. А вот третий...

Да уж, экзотический трофей. Столовые нож, вилка и ложка, богато изукрашенные, серебряные, довольно удобные. И у каждого предмета в рукояти миниатюрный пистолет, только курки наружу. Прямо кошмар оружейника. Приходилось Александру видеть пистолеты в форме чернильницы, трости, и даже встроенные в шпагу, но чтобы так!

Насколько эффективен набор именно как оружие, оставалось только гадать. Но когда он обнаружил их на столе, да еще и стволами к себе, ощущения были, скажем так, экзотические.

Ужин прошел в атмосфере полного взаимопонимания. В том смысле, что все окружающие понимали: командиру хочется посидеть в тишине, и не стоит ему мешать. То, что Александр не занимался рукоприкладством, еще не значило, что от него не получится огрести. Впрочем, его бы и без того не беспокоили – командира своего матросы уважали. Жаль только, что тихо и спокойно завершить день с томиком Байрона или, к примеру, Вальтера Скотта не получилось. Действительно, жаль – в том же Галифаксе захватили, помимо прочего, и несколько десятков разнотипных книг, а языком Александр владел вполне достаточно, чтобы иметь возможность читать их в подлиннике. Так что хотел – но, увы, не срослось.

– Вашбродь!

Александр чуть лениво повернул голову в сторону двери:

² Разновидность боевого топора.

– А, это ты, Янек... Что случилось?

Поляк вытянулся, демонстрируя неплохую выправку. Хороший пример того, как влияет на людей военная служба. Недавно еще был польским хамом, а ныне вон, образцовый матрос, на хорошем счету у командования и уважаемый сослуживцами. Вот что строй животворящий делает!³ И по-русски ныне говорит чисто. Настолько, что его от поморов так сразу и не отличишь. Такой же говор и держится так же солидно. Ну, тут уж с кем поведешься.

Но, стоит признать, в командах их кораблей поляки, в конце концов, прижились. И даже сейчас, будучи в другой стране, отнюдь не собирались дезертировать. Возможно, потому, что чувствовали себя не вторым сортом, отчаянно пытающимся доказать свою значимость, а такими же, как все, не хуже и не лучше. Хотя гонору все равно хватает.

– Там вас спрашивают.

– И кто?

– Я в местных разбираюсь, как корова в компасе, – не удержался от легкого фрондирования Янек. – Одет так себе, а держится, будто шляхтич с перепоею. И говорит странно.

– Значит, сам погляжу, – Александр встал, шевельнул плечами. В спине что-то слабо хрустнуло. – Выспаться не даете, ироды.

Когда он спускался по трапу, то понял, что их корабельный поляк недалек от истины. Действительно, гость, неприметной наружности крепкий мужчина, одет был так себе. Добротно, видно, что дыры его одежде в ближайшее время не грозят. Но также видно, что эта одежда обитателя низшего класса в местной иерархии. Правда, за собой следит – козлом, в отличие от многих ему подобных, от гостя не пахло. Однако же это было единственное положительное наблюдение. И стоило ради такого тревожить капитана?

– Кто таков?

Это было вежливо. С такими вежливо, даже если их просто вахтенный пошлет куда подальше, но зуботычину дать поленится, а уж от капитана, хоть и без мундира на плечах, в одной рубахе... Кстати, мимоходом подумалось Верховцеву, насчет одной рубахи – это он зря. Ветерок с моря тянет довольно холодный, и простудиться от того, что лень было руку протянуть да одеться нормально, было бы глупостью.

– Меня послали...

– Я тебя сам пошлю. Говори четко.

Что же, заговорил. И вновь стоило признать, что Янек был прав. Это чудо разве что слова через губу не цедило. И говорил... Вроде бы по-английски, но понять было крайне сложно. Акцент необычный, построение фраз тоже. И сами фразы неожиданно длинные. Лишь спустя минуту Александр понял, что родной язык гостя, скорее всего, немецкий. Возможно, из какого-нибудь совсем отдаленного королевства, в Германии таких как собак нерезаных. И, может статься, это чучело по происхождению вполне себе дворянин. Понятно тогда, откуда такой гонор. Вот только сказанное им навевало на Верховцева не радость от общения с собратом по сословию, а желание дать наглецу в морду. Уже за то, что посмел требовать подобное!

Если отбрасывать высокопарные словеса, то в сухом остатке получалось требование местных бандитов, которых Верховцев сегодня малость проучил, компенсировать ущерб. И вообще. заплатить за право стоянки на их территории, а то будут неприятности. И вот тут Александр впал в ступор. Это что же, какие-то шавки смеют требовать от него, офицера Российской империи, чтобы он перед ними извинялся да деньгами им кланялся? Ну, наглецы!

³ Стоит признать, в армии поляки оказывались часто. Для бунтовщиков, которых в Польше хватало, это было одним из видов наказания. И отправляли их часто на Кавказ, в действующую армию. Там они, благодаря тому, что чаще всего были грамотны (а то и образованны), да и храбростью не обделены, пользовались уважением солдат. Да и у командования были востребованы. Так что быстро выслуживались из рядовых, получали награды. Некоторые и впрямь перевоспитывались. Но многие, по истечении наказания, возвращались домой и там использовали свой боевой опыт для все тех же бунтов.

Таких не найти даже в Одессе, известной своими портовыми бандами. Да за такое хамство Верховцев мог этот городишко спалить дотла! Впрочем, рано торопиться.

– Мустафа!

– Я здесь, Александр Александрович.

Сафин не был офицером, но все же шел с Верховцевым буквально с первого дня. Старая гвардия, таким позволены многие вольности. В том числе и обращение по имени-отчеству, а не согласно уставу. Верховцев кивнул удовлетворенно:

– Мустафа, возьми человек двадцать-тридцать, с оружием, и сходите с этим олухом к тем, кто его послал. Приведете их сюда – очень уж мне хочется на такое чудо посмотреть. И да, можете не церемониться. Посмотреть можно и на целых, и на слегка переломанных.

– Так что передать моему боссу? – поинтересовался не понимающий ни слова по-русски гость.

– А если кто-то будет слишком буйствовать, утопите его в нужнике, – поморщился Александр.

– Слушаюсь! – Мустафа криво ухмыльнулся, шагнул к явно не понимающему ничего по-русски бандиту и коротко ткнул его кулаком в живот. Поймал согнувшегося от боли нахала за длинные, сальные волосы, вздернул ему голову вверх: – И не балуй мне тут. Его благородие сказал живыми, а не целыми. Ноги повыдергиваю!

Тот булькнул в ответ, и его тут же вывернуло. Сафин едва успел отскочить.

– Ах ты ж!..

После короткого вразумления о том, что делать можно и нужно, а что никак нельзя, русские пришли к выводу, что американский подданный немецкого происхождения лекцию усвоил. Почему так решили? Да уж больно испуганно смотрел. И повел Сафина и его отряд почти бегом, лишь слегка подгоняемый хорошо поставленными, увесистыми матросскими пинками. Нет, как ни крути, а боцман из их татарина получился хороший. И кулаки на месте, и когда их надо применять – вполне понимает. Да и морского опыта набраться успел. Вон, одно из трофейных корыт сюда привел, а это, надо отметить, задача не из легких. Пора его на корабль ставить, пора!

Сафин вернулся через полчаса, Александр даже кофе допить не успел. Матросы приволокли шестерых мужчин – одного все уже видели, а пятеро других оказались главарями местных банд, ночных королей бостонского порта. У двоих матросов обнаружили не особо серьезные ранения, а у всех бандитов – переломы, гематомы и прочие атрибуты особо буйных людей, не желающих понимать реальность, данную им в ощущениях, без повышения болезненности этих самых ощущений.

Как чуть смущенно признался боцман, в точности приказ исполнить не получилось. Этих жуликов, оборванцев и прочего сброда оказалось будто крыс на помойке, и они, вместо того чтобы деликатно отойти в сторону, забиться под шконки и не открывать рот, с чего-то возомнили себя героями. Проще говоря, начали махать ножами, палками и вообще всем, что попало под руку. Сафин думал, что все, придется стрелять, но обошлось без шума. Располовинили нескольких абордажными тесаками – так уцелевших как ветром сдуло. Все же портовые бандиты умеют наводить ужас на простых людей, когда толпой на одного, а вот с теми, кто умеет и, главное, привык воевать и убивать, да вдобавок связан жесткой дисциплиной и намертво въевшимся чувством локтя, связываться не жаждут. Так что главарей взяли за шкуру прежде, чем они поняли, что – все, каюк.

– Эти главные?

Самый уважаемый из бандитов, напоминающий внешностью какого-нибудь московского купца средней руки, только гладко выбритый, лишь презрительно сплюнул. Во, гонору-то! Надо будет потом узнать, не поляк ли он... Остальные старательно отводили глаза, но тоже молчали. Да, это будет сложнее, чем казалось вначале.

Но провести переговоры о взаимном уважении ему не дали. Появился, как чертик из табакерки, Матвеев, а следом за ним, о чем-то ожесточенно споря, шли Гребешков и Диего. Увидев, что тут происходит (вокруг потихоньку собиралась толпа, в основном из местных, но и матросов со стоящих неподалеку кораблей хватало), они тут же перестали обсуждать сторонние проблемы и поспешили к месту действия.

– Что случилось? – поинтересовался Матвеев. Он изрядно похудел и, кажется, помолодел. Огромную, выглядевшую малость неопрятно бороду после долгих уговоров укоротил, подравнял, придал форму. Словом, выглядел он теперь больше похожим на столичного негодянта, чем на старовера из глубинки.

Александр объяснил, причем, не удержавшись, загнул такое коленце, что матросы поглядели на обычно вежливого командира с большим уважением. Матвеев хмыкнул:

– Привыкай, Александрыч, в местных городах такое частенько бывает. Обкладывают данью всех подряд, и гадостей могут сделать немало, от мордобоя до поджога. Полиция не вмешивается обычно – она их сама боится, да и долю они ей отстегивают.

– Дикая страна, подлые люди... И что с ними делать теперь?

– Ядро к ногам и за борт, – усмехнулся Гребешков.

Это было шуткой, так все ее и восприняли. Все, кроме Верховцева. Ему идея показалась вполне здравой. В самом деле, если у тебя есть сила, это хорошо, но уважают больше за готовность ее применить. Так что – почему бы нет?

Когда первого, того самого, купеческой наружности, сбросили с причала, толпа охнула. Небось, думали, что их просто пугают. Наивные... Кто-то заголосил, кто-то побежал прочь, но это уже ничего не меняло. В считанные секунды отчаянно извивающихся бандитов отправили на встречу с Нептуном. Оставили только одного – того, что принес послание. Для задуманного Александром подошел бы любой, а с этим они вроде как давно знакомы...

– Пойдешь к своим, – медленно, чтобы все слышали и поняли, сказал Верховцев. – Передашь, что русских трогать нельзя. Никому и никогда. Ты все понял?

– Яволь! – от волнения, наверное, бандит перешел на родной язык.

Александр кивнул удовлетворенно.

– Это хорошо, что понимаешь. Но почему ты еще здесь? Повернулся – и бегом команду выполнять!

Немца как ветром сдуло. Вот так. На какое-то время все будут сидеть тихонечко и держать рот на замке, впечатленные быстротой и жестокостью расправы. Потом, конечно, испуг пройдет, осмелеют, но, можно не сомневаться, первое, что сделают бандиты, схлестнутся между собой за право быть главной крысой в этой норе. К тому времени, как они закончат увлеченно резать друг друга, русские успеют закончить свои дела. Но даже если он ошибается и результат явится миру быстрее, чем они выйдут в море, сами банды окажутся серьезно ослаблены и вряд ли способны причинить кому-нибудь по-настоящему большой вред.

Решение командира одобрили все. Разве что Гребешков пребывал в сомнениях. Ну да ему, как представителю Третьего отделения, сомневаться по должности положено. Он, к слову, настоял на том, чтобы усилить охрану. Весьма разумно, спорить никто не стал. Касаемо же сомнений... Правильно сказал вечером Матвеев, промокая накрахмаленной салфеткой капли вина с усов: Если у тебя полторы сотни пушек и две тысячи головорезов, мнение туземцев никого не интересует. И, разумеется, он был прав.

Это подтвердилось следующим утром. Когда они расположились в мэрии, дабы иметь предметный разговор с теми, чье слово в Бостоне действительно что-то значит, неприязненные взгляды местного полицмейстера⁴ увидел бы и слепой. Однако, что характерно, претензий он не выказывал и вообще рот лишний раз не открывал. Похоже, ему заранее открытым тек-

⁴ Начальник городской полиции губернского города в России.

стом было сказано, что говорить будут о делах серьезных, читай, денежных. А на фоне больших денег самосуд над не в меру обнаглевшими бандитами – мелочь, не стоящая внимания. Тем более что военные корабли в порту намекали на то, что бузить лишний раз чревато. Вот и оставалось ему сверлить взглядом Александра, который их с великолепной небрежностью игнорировал. Дворянин, уметь такое происхождение обязывает.

А вообще, местные авторитетные люди произвели на Верховцева странное впечатление. До того он имел дело с чем-то подобным только в России. Когда ездил с отцом в Европу – не в счет, тогда он был еще мальчишкой и мало обращал внимание на многие нюансы. А вот когда учился в Корпусе и служил на Балтике, а особенно во время архангельской эпопеи, насмотрелся.

Так вот, дома те, кто обладал возможностями, превосходившими таковые у «серой массы», довольно четко делились на две группы. Первая – дворяне в чинах, с титулами, с древностью рода и связями в верхах, позволяющими свысока смотреть на окружающих. Вторые – купцы, иной раз с миллионными состояниями, возможности которых упирались в деньги и, опять же, связи. Вели они себя по-разному, и мотивы действий тоже имели каждый свои. Но при этом одно этих людей объединяло – ощущение своей исключительности и власти над толпой. И еще – планирование. Фундамент того, чем они занимались, был заложен предками, а сами они создавали то, что будет принадлежать внукам и правнукам. Это накладывало отпечаток и на образ мысли, и на поведение. Увидишь такого – не ошибешься.

А вот те, кто собрался здесь и сейчас, были другими. Да, видно было, что деньги за ними немалые, но вот чувствовалось, что они – нувориши в первом, максимум во втором поколении. Те, кто просто не умеет мыслить поколениями. И поведение у них было, как у дорвавшихся до власти... Нет, не крестьян, конечно, а, скорее, половых из трактиров. Александру приходилось непрерывно делать над собой усилие, чтобы сохранять приличествующее ситуации каменное выражение лица. Ну, так и тянуло его прикрикнуть на собеседников.

А вот Матвеев выглядел, словно нырнувший в родной пруд карась. Ну да и ничего удивительного – как и положено купцу, он умел вести дела с кем угодно. И наверняка приходилось ему работать и с такими типами. По сути, Матвеев и вел переговоры, делая это с легкостью невероятной. И сказал вроде бы в точности то же самое, что Александр вчера, но вот почему-то звучало это как невероятно выгодное предложение, которое грешно упустить. Вот что значит опыт!

Однако и перед ним сейчас были не новички, которым заезжий молодец способен задурить головы с легкостью необычайной. Кидаться на выгодное (без дураков, по-настоящему выгодное) предложение, как бобик на сахарную косточку, они не спешили. Когда Матвеев закончил, некоторое время царил глубокое молчание. Казалось, в наступившей тишине можно было услышать топот бегущего по стене таракана. А потом один из американцев заговорил.

Он тут, очевидно, был если не самый главный, то наиболее авторитетный – точно. Высокий, сухощавый, с тронутой сединой, густой черной шевелюрой, он выглядел лет на сорок. Но, присмотревшись, Александр мысленно накинул ему еще лет десять – просто потому, что у молодого кожа на шее так не обвисает. Как ни крути, а тут она стареет первой.

Так вот, этот человек, которого все называли просто «мистер Эдриан», что примерно соответствовало русскому «Иванову», заговорил, и все тут же почтительно замолчали. Начиная с мэра и полицмейстера, которые были тут, похоже, младшими, с правом, в лучшем случае, совещательного голоса, и до соратников Эдриана по финансовой касте. Слово этого американца, похоже, и впрямь ценилось. Как минимум в пределах этого городка.

– Мы вас слышали, господа. Ваши предложения... интересны. Но мы хотим понять, зачем нам нести репутационные риски в ситуации, когда вы и без того собираетесь уничтожать суда наших конкурентов. Просто так, потому что вы являетесь воюющей стороной.

Ах ты ж! Слова-то какие выучил! Репутации их угроза... А она у вас есть, репутация эта? Все эти мысли пронесли в голове Александра, подобно молнии. Однако ни один мускул не дрогнул на его лице. Если и есть, чему поучиться у британцев, так это умению владеть собой, в любой ситуации удерживая на лице маску непробиваемого, ледяного спокойствия. Это искусство Александр вполне освоил, просто глядя на пленных.

А еще, они не зря вчера убили с Матвеевым целый вечер, обсуждая различные варианты разговора. И нечто подобное циничный купец предусмотрел, равно и варианты ответов. Что же, сейчас наступала очередь Верховцева. Как ни крути, здесь и сейчас все видят, что один из переговорщиков отвечает за военную составляющую, другой – за финансы. И ответ военного будет звучать весомее.

– Да потому, что иначе у нас есть как минимум два варианта, мистер Эдриан, – сказал он настолько вежливо, насколько мог. – Или мы уходим южнее и договариваемся там, благо портовых городов в Америке достаточно. Или мы просто уходим в океан и начинаем перехват судов у побережья, к примеру, Африки. Там важный торговый путь, и британских кораблей хватает. В первом случае барыш получают ваши южные конкуренты, а вы и дальше будете вариться в собственном соку. Во втором для вас будет еще хуже, поскольку английские купцы не любят рисковать зря. И они просто переориентируют грузовые потоки. Ваши порты будут считать безопасными, сюда пойдет больше кораблей. Они составят еще большую конкуренцию вам. И чтобы бороться с этим, вам придется самим изображать русских и заниматься перехватом британских кораблей. Рано или поздно это раскроется, и тогда речь пойдет уже не о репутационных потерях, а о полном крахе. Притом, что британцы умеют мстить своим врагам. Особенно когда за ними не стоит великая держава.

Вот такой намек на то, что здесь и сейчас государство откровенно третьесортное. Недавняя британская колония. Где-то подобные слова могли посчитать оскорблением, здесь же смолчали. Или слишком толстокожие, чтобы обращать внимание на намеки, или же просто не хотят раньше времени ссориться, предпочитая такой эфемерной сущности, как честь, звонкую монету.

– Я не думаю, что второй вариант хоть сколько-то реален, – снисходительно улыбнулся Эдриан.

– И почему же?

– Там вам некуда будет продавать свою добычу.

Вот так. Он не отказывается, он торгуется, пытаясь вытрясти наилучшие для себя условия. Все происходило ровно так, как предсказывал вчера Матвеев. Знал он, чего ждать от местных негодяев. И что отвечать – они тоже решили еще вчера. Причем ответ вновь должен звучать от офицера, чей мундир намекает на его мировоззрение. То самое, которое местными умниками неодобряемо, но понятно.

– А зачем нам ее кому-то продавать? – как можно более искренно улыбнулся Верховцев. – Понимаете, господа, вы забываете одну очень важную деталь. Мы – не корсары, пускай и королевские, мы – рейдеры, служащие Российской империи. Добыча – не главное. Главное – урон, который понесет враг.

Пауза после его слов длилась долго. Очевидно, местное купечество (или, как они себя называли, бизнесмены, деловые то есть люди) обдумывало сказанное и пыталось решить, как им действовать. И этой паузой, очевидно, приняв ее за сигнал к действию, решил воспользоваться полицмейстер. Все же невеликого ума человек...

– А вот как быть с тем, что наши гости, едва прибыв в наш богоспасаемый город, тут же совершили тяжкие преступления?

Следующие несколько минут он в красках описывал вчерашнее происшествие, которое, на взгляд Александра, не тянуло ни на что большее, чем пара анекдотов за вечерним чаепитием. В конце концов, уничтожить преступника, тем более напавшего на него с оружием в

руках, долг каждого добропорядочного человека. Не говоря уже о дворянине – ему такое сам Бог велел. Тем не менее начальник полиции разливался соловьем. Ему бы книги приключенческие писать. Какой талант пропадает!

Очевидно, представители американского капитала думали примерно то же самое. Во всяком случае, кривились некоторые так, словно лимон съели. Но, что характерно, лишь когда считали, что их не видят, и прерывать автора пафосного спича не торопились. Причина была понятна без слов – пока он говорит, у них есть время на раздумья, так что пусть его. Александру же было все равно. Он просто не обращал внимания на спектакль. Ибо сам не театрал, а полицмейстер не звезда сцены.

Все на свете имеет свойство заканчиваться, выдохся и американец. Правда, стоит признать, столь же пафосно, как и говорил. Во всяком случае, «что вы можете сказать в свое оправдание» звучало так, словно он уже вынес русским смертный приговор. И, можно не сомневаться, если он сумеет довести дело до суда, то выиграет его с гарантией – чужак в чужом суде априори не прав. Только... Он что, идиот?

– В свое оправдание... – Александр, развалившись в кресле как можно вальяжнее, смотрел на полицмейстера брезгливо, как только мог. Они хотят серьезного разговора? Они его получают. Тем более что он помнил вчерашний разговор слово в слово, – я могу сказать, что у меня четыре боевых корабля, полторы сотни орудий и небольшая, но хорошо обученная и прошедшая не один бой армия. Не ваши карманные городовые и не отребье из подворотен. Как вы думаете, что я с вами сделаю?

Полицейстер вначале покраснел, затем цвет его лица стал буровато-коричневым, а сам он напоминал теперь воздушный шар, готовый лопнуть. Открыл рот – и закрыл. Сообразил, наверное, что русский не шутит.

Александр и впрямь не шутил. Русские терпеливы, но все же быть вежливым и сносить хамство – разные вещи. Если полицмейстер не может навести порядок в своем ведомстве, то с какого перепугу это проблемы гостей? И, отправляясь на эту встречу, Александр, по совету профессионально настроенного Гребешкова, приказал людям быть в готовности. И, если они с Матвеевым не вернуться к назначенному сроку, вывернуть Бостон наизнанку. И не слишком церемониться – было бы с кем.

Так что полицмейстер, у которого недостаток мозгов компенсировался инстинктом самосохранения, понял, что перегнул палку, и замолчал. Но на этот раз пауза длилась очень недолго. Эдриан демонстративно похлопал в ладоши и негромко сказал:

– Что же, я вижу, наши гости действительно настроены серьезно. Думаю, с ними можно иметь дело. Обсудим детали?

Обсуждали почти до ночи. С перерывом на то, чтобы отправить вестового к Гребешкову, а то прапорщик, оставшийся за старшего, человек резкий. Как бы в самом деле маленькую победоносную войну не учинил.

Стоит признать, торговались американцы получше иных евреев, но, в отличие от последних, четко знали, в какой момент стоит остановиться и сдать назад. В результате, несмотря на длительные и жаркие переговоры, временами готовые перейти в рукоприкладство, благо нравы здесь были простые, к общему знаменателю они все же пришли. Результат устроил всех. Заодно продали трофейные корабли вместе с грузами. Задешево, конечно, однако хватило и пополнить казну эскадры, опустошенную ремонтом, и дать командам отдохнуть на берегу, хорошенько встряхнув портовые бордели.

Следующие четыре месяца эскадра крейсировала вдоль восточного побережья Америки, то уходя в высокие широты, едва не до паковых льдов, то спускаясь в Карибское море и даже южнее. Однажды аж до Панамы дошли. Непуганые британские купцы, слегка разбавленные французскими коллегами, здесь встречались в изобилии. Да и то сказать, чего им было опа-

саться? Война где-то далеко, а здесь спокойные воды, которые охраняет могущественный британский флот. Тот очевидный факт, что сейчас практически все английские и французские корабли заняты в Европе, как-то проходил мимо их сознания. А потому вид крупного военного корабля под русским флагом, появившегося из-за горизонта, неизменно вгонял их в шок.

Стоит признать, не все купцы сдавались без сопротивления. Некоторые пытались уйти, а кое-кто, даже будучи взятым на абордаж, давал настоящий бой. Однако все это были напрасные потуги. Боевой корабль априори быстроходней и несет многочисленный, хорошо вооруженный, а главное, мотивированный на победу экипаж. Неудивительно, что уйти от русских никому не удавалось.

Самое интересное, что британские военные корабли не попадались им ни разу. А ведь их, несмотря на все международные нюансы, просто не могло здесь не быть. Однако удача покровительствует смелым, и это радовало – несмотря на то, что под началом Верховцева сейчас была достаточно сильная эскадра, в своей способности выдержать бой даже с одним английским линкором он сомневался. Тут ведь решают не только число кораблей и пушек, но и обученность экипажей. А в этом он себя равным британцам пока не считал.

Но если с английскими кораблями они не сталкивались, то американские им встречались дважды. И оба раза проявляли нездоровый интерес к эскадре. Правда, увидев линкор с открытыми орудийными портами, резко скучнели и уходили своей дорогой. Доверять янки русские не собирались, а потому меры предосторожности вроде готовности к бою принимали. Мало ли что на душе у этих умников.

Хотя пока что жаловаться не приходилось. Бостонские купцы оказались народом ушлым, и сейчас в любом порту на побережье эскадру Верховцева принимали без малейших вопросов. Проводили, если надо, ремонт, продавали все, что требовалось, по вполне пристойным ценам. Опять же, трофейные корабли и грузы выкупали без проволочек. Матвеев, подсчитывая прибыль, аж светился от удовольствия. Опять же, в портах сообщали, когда тот или иной корабль из Европы ожидается или выходит в море. Единственно, требовалось соблюдать нечто вроде правил хорошего тона. Проще говоря, корабль, вышедший из Ричмонда и перехваченный русскими, не стоило тут же гнать обратно. Требовалось отогнать его в Хьюстон. Или в тот же Бостон. А там уж – кто что докажет?

И лишь одно начинало все больше смущать Верховцева. В отличие от многих потрясателей морских просторов, в изобилии водившихся здесь раньше, он все же был всесторонне образованным человеком – в Корпусе учили на совесть. В том числе и истории. А она в данном случае говорила лишь об одном: удача не может длиться вечно.

Удачливых пиратов в истории хватало. И, случалось, они собирали целые эскадры, ни в чем не уступающие той, что сейчас шла за спиной Александра. А может, и превосходившие – пес его знает, что творилось в те, ставшие уже легендарными, времена золотых галеонов и конкистадоров. Тогда полтысячи человек могли сокрушить древнюю империю, а пиратские эскадры захватывали города. Неудивительно, что о них слагали легенды, саги, романы... Вот только был один нюанс, который обычно если и упоминался, то шепотом или парой строчек – финалы у этих историй были только двух типов.

Если пират умел вовремя остановиться, то он, сколотив какое-никакое состояние, уезжал в глушь и остаток жизни проедал накопленное. Или преумножал его законными способами, некоторые, вроде Моргана, даже ухитрялись занимать незначительные государственные посты. Но мало кому так везло. Большинство рано или поздно встречали противника не по силам, те же боевые корабли, и либо гибли в бою, либо украшали собой реи победителей. Их так удобно использовать вместо виселицы...

Александр дураком не был и понимал: воду они взбаламутили изрядно. Не столь уж велик урон, который нанесла их эскадра. В масштабах Британской империи захваченная добыча – капля в море. И ни одного корабля с войсками... Мелочь.

Но если материальные потери ничтожны, то репутационные – огромны. Империя, которая не может защитить свои, можно сказать, глубокие тылы и торговые пути, теряет самое главное – доверие собственных граждан и уважение, читай, страх окружающих. И реагировать на это британцам придется.

Сколь мог предположить Верховцев, реакция пойдет сразу по двум направлениям – отправка на перехват рейдеров боевых кораблей и дипломатическое давление на американцев. Лишить русскую эскадру баз – уже половина дела. Без места, где можно отдохнуть, пополнить припасы и быстро продать добычу, эффективность действий рейдеров падает очень сильно. Конечно, американцы вначале будут отнекиваться, затем саботировать, но вряд ли это продлится долго. Так что придется уходить, тем более что уже сам факт отправки сюда кораблей говорит о том, что свою задачу эскадра выполнила, часть сил врага от европейского театра, сиречь от России, отвлекла.

То, что британские корабли в этих водах все же появились, от пленных было известно, да и в американских городах о них рассказывали. Минимум два линейных корабля, это не шутки. А потому – отдохнуть перед дальним походом и на всех парусах убираться прочь отсюда. Карибское море грозило в любой момент стать местом негостеприимным. Да и то сказать, «сливки» с этих вод русские уже сняли, торговые корабли встречались все реже. Так что лучше считать, что карманы набиты достаточно, и не дразнить судьбу.

Совет капитанов спорил по этому поводу долго, однако все же вынужден был согласиться с доводами командира. Точнее, Гребешков изначально был согласен, Матвеев немного поколебался и тоже решил, что незачем гусей дразнить, а вот Диего упирался до последнего. И недовольство свое демонстрировал еще несколько дней при каждом удобном случае, пока ему не напомнили, что он вроде бы собирался набрать в экипаж побольше соотечественников. Так чего же медлит?

Медлил Диего по одной простой причине – в американских городах испанцев оказалось до обидного мало, и в море они идти не жаждали. В порты Мексики русские не заходили – там чересчур сильно было французское влияние. Стало быть, русских встретят пушками, а драться без нужды не хотелось. Южнее же эскадра заходила всего единожды, да и то не по своей воле – подхваченные свирепым штормом корабли отнесло далеко на юг, и, убедившись, что британские купцы здесь не водятся, эскадра вернулась к побережью Северной Америки.

На самом деле, британские купцы там, конечно, ходили – они, как тараканы, живут везде, и черта с два их выведешь. Но – не срослось, а потому русские туда больше не заходили. Не успели, да и, честно говоря, не очень-то им этого и хотелось. Их и в Карибском море неплохо кормили.

Пожалуй, самым запоминающимся событием эпопеи оказалась свадьба. Александр был весьма удивлен, когда к нему пришли Куропаткин с Аленой и попросили разрешения связать себя узами брака. Смешно. Когда-то сам факт появления Алены в не таком уж и высшем свете Архангельска спровоцировал конфликт между Верховцевым и Куропаткиным, а сейчас они жениться хотят! Прихотливы бывают повороты судьбы.

Откровенно говоря, Александр был в некоторой обиде. Он-то подозревал, что девушка к нему равнодушна. Может, к слову, так и было, но поморка смотрела на жизнь с истинно крестьянской прагматичностью. Будущего с морским офицером из старого и богатого рода у нее просто не могло быть. Родня не даст, окружающие. А короткий «романчик»... В самом лучшем случае это обойдется грустными воспоминаниями в будущем. Это если не будет последствий вроде детей. Нет, это для женщины был плохой вариант.

Иное дело – дворянин, недавние предки которого сами пахали землю. Правила куда менее строгие, а перспективы видимые. К тому же Верховцев по уши в делах – у командира в боевом походе их количество стремится к бесконечности. Куропаткин же – вот он, рядом... Словом, получилось то, что получилось, и отказать для Александра было глупо и, откровенно

говоря, неприлично. Священники при эскадре были, а потому – совет да любовь. Хотя и неприятно, конечно.

Немного подумав, Александр перевел молодоженов на «Адмирала». И ему глаза не мозолят, и, главное, присмотрят за Диего. Не то чтобы Верховцев ему не доверял, но, если экипаж пополнят еще и другие иностранцы, возможны эксцессы. В этой ситуации мастер рукопашного боя и, безусловно, авторитетный офицер на линкоре явно лишним не будет. Это он и озвучил Куропаткину. Понял тот вторую подоплеку дела или нет, осталось вопросом открытым, но протестовать не стал. Так что молодожены переехали, а вот рысенок остался. Не захотел менять место жительства, так и прописавшись в капитанской каюте. Что же, Верховцев против ничего не имел. Он совершенно незаметно тоже привык к бесхвостому хищнику, с которым было как-то веселее.

К слову, число иностранцев на корабле и без того прибавилось. Среди американцев хватало сорвиголов, желающих попытать счастья в море. Конечно, больше всего их было среди обитателей городского «дна», считающих почему-то, что на боевом корабле заниматься им предстоит тем же, что и на суше. То есть грабежом слабых с быстрой ретирадой от сильных. Что же, их ждало жестокое разочарование, да и не стремились их, в общем-то, брать. В массе своей мелковаты, хилловаты – нормальное состояние для тех, кто плохо ест в детстве.

Впрочем, и выходцев из вполне респектабельных семей, желающих приобщиться к морскому ремеслу, хватало. Как-никак, осваивать новый континент шли изначально люди смелые и непоседливые, и кровь многих семейств не разжижилась со временем. Так что выбор был, и постепенно кое-кого набрали. Особенно из числа имеющих ирландские корни – те отличались высоким ростом, крепким сложением и органической, впитанной с материнским молоком, ненавистью к англичанам. Правда, и буйных среди них хватало, но тут достаточно было последовать рекомендации Гребешкова и раскидать их понемногу на все корабли. В окружении большого количества людей, не уступающих им ни силой, ни храбростью, ирландцы словно подрастворились и, несмотря на несколько эксцессов, в целом вели себя достаточно спокойно.

Вот такова была ситуация, когда русская эскадра пришла на Кубу. Сейчас корабли стояли в бухте, и вода вокруг была настолько спокойной и прозрачной, что напоминала одновременно гигантское зеркало и столь же гигантский аквариум. Правда, это великолепие то и дело портили местные лодки, снующие туда-сюда и режущие водную гладь подобно тупым ножницам в руках неопытного подмастерья. Ну и вид Гаваны не слишком радовал глаз. Вернее, радовал, но или издали, или в сумерках, когда не было видно, насколько обшарпан город. Все же времена, когда Испания была великой, а ее города могли служить эталоном архитектуры, давно прошли. Ныне это было так, воспоминание о былом статусе, обветшавшее и потрепанное.

– Вашбродь!

Голос вахтенного прервал тихонько опускающуюся полудрему и вырвал Александра обратно в реальность. Оно и к лучшему, если честно – спать днем, еще и на жаре, верный способ заработать головную боль. Александр лениво повернул голову и, не заостря внимания на том, что к нему, по идее, в нынешнем звании обращаться надо иначе, лениво спросил:

– Что там опять?

– От губернатора посыльный. Говорит, срочно. Странный какой-то...

– Ладно, давай его сюда – поглядим, что за чудо.

Как ни странно, никаким чудом здесь не пахло. Обычный негр, просто одет по моде полувековой давности. Здесь на многое смотрели несколько... своеобразно. В том числе и на то, как должны одеваться слуги. И если работающие на плантациях зачастую ограничивались штанами да рубашками, то одежда домашних слуг ограничивалась разве что фантазией их владельцев. Откровенно говоря, в России какой-нибудь помещик мог обрядить своих крепостных, занятых работой по дому, еще хлеще – были бы деньги. Здесь же, скорее всего, просто воспользо-

лись гардеробом, оставшимся от предков, – и выглядит прилично, и не стоит уже практически ничего.

– Что случилось?

Негр залопотал что-то по-испански. Александр на этом языке знал разве что несколько расхожих фраз и с полсотни слов – нахватался за последнее время. Однако аккуратно запечатанный конверт, перекочевавший в его руки, сомнений не оставлял. Жаль, ножа, созданного для многотрудных битв с такого рода бумажными изделиями, под рукой не было.

Распаковывать конверт Александру пришлось длинным и весьма зловещим на вид кинжалом, постоянно висевшим на поясе в качестве ножа на каждый день. Негр при виде холодно блеснувшей стали как-то странно дернулся, и взгляд его стал испуганным. Интересно даже, что за слухи обо мне ходят, подумал Александр, аккуратно вскрывая конверт и доставая письмо. Написанное, к счастью, на английском, хорошим каллиграфическим почерком. Все же губернатор был не дурак и понимал, что если с английским языком проблем не возникнет, то переводчика с испанского еще поискать надо будет.

Приглашает на аудиенцию... Ах, какой высокий стиль! Что же, придется сходить. Все же глава местной власти, не стоит зря ссориться. Александр поглядел на посланника, от чего беднягу передернуло, и встал:

– Передай – буду в четыре пополудни. Свободен.

Негр исчез, будто его и не было. Александр вздохнул – прогулки к местным начальникам, очень много о себе мнящим, он не любил. Дома тоже, но в том же Архангельске губернатор – адмирал Российской империи, умный и преданный делу человек. Здесь же – обычные чиновники, большей частью далеко не из лучших. И если тебя пригласили – значит, им надо что-то, скорее всего, для себя. Иначе как быть с тем, что их эскадра тут уже неделю, а командующим еще ни разу не заинтересовались. Даже переговоры об условиях стоянки вел Матвеев.

Ну что же, положение обязывает. Так что надеть мундир, обругав того, кто придумал этикет последними словами – в такую жару в черной, плотной, рассчитанной на совсем другой климат одежде, пытка. Скомандовать: «Мустафа, ты за старшего!» Ну а потом в шляпку – и матросы лихо, так, что весла сгибались в дугу, отвезли своего командира на берег. Всё, отсюда пешком. Впрочем, тут и идти-то всего ничего.

В сопровождении двух матросов – для солидности здесь подобные жесты ценятся – Александр шел по улицам Гаваны. Запутаться по дороге ко дворцу губернатора сложно, да и, если откровенно, приморскую часть Верховцев изучил не хуже своих подчиненных. В бордель, конечно, не ходил – невместно, однако питейные заведения успел проинспектировать. Моряку нужен отдых, и, оказавшись на берегу после долгого похода, хотя бы раз напиться до положения риз просто необходимо. Мораль тут ни при чем, обычная усталость. И так уже отправился только на второй день, вначале дав отдохнуть подчиненным.

Дворец генеральных капитанов⁵ не то чтоб поражал масштабами, но впечатление производил. Построенный в стиле барокко с непередаваемым колониальным колоритом, он был не только красив, но и функционален. Как минимум тем, что толстые стены надежно защищали его обитателей от удушающей жары. Впрочем, отделка, и внутри, и снаружи, тоже была хороша. Поразительно, как местные, далеко не блещущие достижениями мастера смогли такое построить⁶.

Хосе Гутьеррес де ла Кбнча, генеральный капитан Гаваны, более всего напоминал грандов прошлого – тех, кто пинками выгонял из своей страны мавров и открывал новые континенты. С поправкой на моду нынешнего века, но и только. А так – подтянутый, уверенный

⁵ Официальная резиденция губернаторов (генерал-капитанов) Испанской империи в Гаване. В постколониальный период долгое время был мэрией.

⁶ На самом деле и не смогли. Практически всё, даже кирпич, было завезено на остров извне. Ну а местные негры возились со стройкой более полутора десятилетий.

в себе, с хищным взглядом. И Верховцева он встретил не по-испански деловито. Хотя вина, отменного, стоит признать, предложил, равно как и трапезу.

От еды Александр отказался, а вот вино употребил с удовольствием – после жары пить хотелось страшно. И сразу после этого губернатор перешел к делу, словно и не испанский чиновник, а янки какой-нибудь. Впрочем, Александра это не расстроило, долгих церемоний он терпеть не мог.

– Господин капитан, – начал губернатор, как только обязательные раскланивания закончились, – скажите, сколько ваша эскадра будет находиться в Гаване?

– Пока не надоедим, – шуткой ответил Александр. Сколь он мог понять, наличие здесь русских кораблей было воспринято местными с некоторой долей энтузиазма. Ибо многочисленные, сорящие деньгами русские матросы изрядно оживили сонную местную экономику. Бордели теперь, во всяком случае, работали даже во время сиесты.

– Тогда – уже, – развел руками губернатор.

– Вот как? – Александр удивленно приподнял брови. Учítывая, что ему приходилось теперь периодически общаться с облеченными толикой власти чиновниками, этот жест у него получался с каждым разом все более солидно. И, учítывая приснопамятные полторы сотни орудий, его удивление выглядело крайне весомо. Что он здесь и сейчас равных не имеет, Верховцев знал. Знал это и испанец. Заметно было, что он не в восторге от того, что может схлестнуться с русскими, однако и назад сдать у него не получалось.

– Мне крайне неприятно это сообщать, но ваше желание продолжать использовать нашу гавань может привести к серьезному конфликту, и мне крайне хотелось бы его избежать. Ибо я отвечаю за город, и мне крайне нежелательно, чтобы он был подвергнут бомбардировке.

Слово за слово, и Александру удалось вытрясти из него подоплеку ситуации. Довольно неприятную, к слову. Если совсем кратко, то сюда направлялась французская эскадра. Четыре фрегата и какое-то количество более легких кораблей, нюансов губернатор не знал. Его предупредили об этом – французы задержались в одном из портов, и быстроходный шлюп пришел в Гавану раньше. Кстати, его прибытие сегодня утром Александр наблюдал и был впечатлен отточечностью манёвров – испанские моряки свое дело знали. Властям же Испании совершенно не хотелось ссориться с французами.

Вечером капитаны собрались на «Миранде». Темная ночь, доносятся с берега звуки музыки, да играет свет фонарей на вине в хрустальных бокалах... В таких то ли пасторальных, то ли просто идиллических условиях решались, бывало, судьбы мира. Здесь и сейчас ставки были попроще – всего лишь их дальнейшая судьба. И, когда Верховцев обрисовал расклады, над палубой зависла тишина. Ничего вроде бы и не изменилось даже, но молчание словно заглушило окружающие звуки. Александр молчал. Молчали и его верные сподвижники. Очень уж туманными выглядели перспективы. И очень много зависело от их решения.

– Я считаю, надо драться, – первым нарушил молчание Диего. – Кого мы боимся? Французов?

– О, их стоит если не бояться, то опасаться. Драться они могут, – отозвался, неотрывно глядя в бокал, Гребешков. Смотрел так, будто густая, рубинового цвета жидкость навевала ему мысли о крови, которой прольется в бою очень много. – Четыре фрегата – это, как ни крути, четыре фрегата.

– Я возьму на себя любые два!

– При условии, что они не паровые, – меланхолично отозвался прапорщик, все так же не отрывая взгляд от бокала.

– Не горячись, Диего, – вмешался Матвеев. – В том, что ты не трус, никто не сомневается. Вопрос в другом – нужна ли нам эта драка?

– Не уверен, – отозвался Верховцев и щелкнул ногтем по краю своего бокала. Тот зазвонел на чистой, ровной ноте. Хорошо сделан, пережил и сражения, и шторма. – Наша задача –

наносить противнику максимальный урон и делать это как можно дольше. Французов бояться нет смысла – полагаю, мы все же сильнее. Но в бою они успеют нанести нам повреждения, и это может поставить крест на дальнейшем походе.

– Не может, а поставит, – хмуро заметил Матвеев. – Длительный ремонт гарантирован, а там и англичане подтянутся. Янки же сдадут нас сразу, мы для них отработанный проект.

Диего фыркнул, но комментировать не стал. Лишь сказал, что остается при своем мнении, но приказ командира будет выполнять в любом случае. Некоторое время они еще обсуждали, как будут действовать, а потом отправились на свои корабли. Дел еще оставался непочатый край – рано утром эскадре предстояло выйти в открытое море.

Где там шлялись французы со своими фрегатами, Александр понятия не имел. Равно как и вообще, существовали они в природе, или кубинский губернатор таким образом избавился от чем-то мешающей ему русской эскадры. Но даже если и были, с ними удачно разминулись. Ибо если Верховцев что-то понимал в вопросах пиратства, так это крайнюю нежелательность открытого столкновения с военными кораблями. Даже если победишь, урона на рубль, а прибыли на копейку. Невыгодно.

Зато он понимал теперь, почему тот слуга испуганно на него косился. Проболтался-таки испанский кабальеро, опять же, случайно или намеренно. Оказывается, теперь Верховцева называли в этих местах не иначе как Мясник Галифакса. Это за якобы учиненную им резню и до основания разрушенный город. Учитывая, что русские никого особо не старались убивать, а тех, кто разбежался, не преследовали, да и в городе сожгли не так уж много, прозвище более пафосное, чем соответствующее реалиям. Но люди, что интересно, верили.

Да и пускай бояться. Александр усмехнулся собственным мыслям. Чем сильнее бояться, тем больше им придется вздрагивать от каждой тени на горизонте. Будут сидеть в портах и требовать от метрополии, чтоб она прислала корабли и защитила их от страшных русских пиратов. Ничего не добьются, разумеется, в британском Адмиралтействе сидят не дураки. Адмиралы хорошо понимают масштабы проблемы, а потому ловить эскадру Верховцева, конечно, будут, но вначале соберут для этого серьезный отряд. Все же для одиночного корабля, даже линейного, Александр со товарищи не по зубам. Так что паралич или хотя бы резкое снижение торговли и сопутствующие этому убытки русские уже обеспечили. Когда же за их поиски возьмутся всерьез, они будут уже далеко.

– Александр Александрович.

– Что случилось, Мустафа?

Сафин подошел, встал рядом.

– Барометр падает, вашбродь. Не случилось бы шторма.

– Может, и случится, – философски вздохнул капитан. – Что делать – все знают, а изменить погоду мы все равно не в состоянии. Над ветрами у нас власти нет.

– Это точно, – вздохнул Сафин. – Но все равно надеяться хочется...

– Надежда – последнее, что умирает в человеке⁷, – хмыкнул Александр.

Кто из них сглазил, а кто накаркал, осталось вопросом открытым, но надежды на то, что шторм пройдет стороной, не оправдались. К вечеру небо затянуло тучами, и ветер завыл так, что Верховцеву срочно захотелось убить того, кто развязал мешок Эола⁸. Хорошо еще, что Диего, неплохо знавший эти воды, смог привести эскадру к одному из многочисленных островов, имеющему несомненное достоинство – удобную для стоянки и дающую неплохую

⁷ Изначальное звучание фразы «Надежда умирает последней». Выражение сложилось на основе известной фразы древнегреческого философа Диогена.

⁸ Согласно легенде, владыка ветров Эол отдал Одиссею мех, в котором были запечатаны ветры с наказом не открывать его, пока корабль не прибудет домой. Но спутники героя ослушались наказа, и вырвавшиеся на свободу ветра отогнали корабль обратно.

защиту бухту. В нее корабли и нырнули, как мышь в щелку под порогом, буквально в последний момент. Памятуя о не самой лучшей мореходности «Адмирала», можно сказать, им повезло. А потом шторм разыгрался не на шутку, и даже в относительно защищенной бухте корабли изрядно раскачивало.

С качкой, правда, они уже давно примирились – чай, не первый день в море. Главное, что корабли не срывало с якорей, а значит, и быть выброшенными на берег не грозило. Конечно, затянувшаяся на три дня стоянка удручала, но, в конце концов, они были сами по себе, к срокам не привязаны, а потому могли и потерпеть. Тем более что уже к утру второго дня ветер поменял направление, дождь, изначально не такой уж и сильный, прекратился и волнение в бухте улеглось. Ближе к полудню часть экипажей высадилась на берег, где люди смогли разместиться с несколько большим комфортом. Ну и Александр не смог удержаться от искушения и прогулялся по самому настоящему дикому тропическому острову.

Стоило признать, мечты, принесенные из детства, лучше было там и оставить. Было бы нечто светлое, доброе, романтическое. Вживую же его тропический рай очень быстро разочаровал. Не красотами – здесь и впрямь было на что посмотреть. Орущие попугаи, экзотические цветы, с шумом падающие с трехсаженной высоты струи небольшого водопада... А к этому змеи, от укуса одной из которых его спасла толстая кожа высоких сапог, вонь тухлого мяса вперемешку с дерьмом, которую источали те самые прекрасные цветы, и куча мошкар, не столько кусающейся, сколько лезущей в глаза, уши, нос... Конечно, и под Архангельском, и в Петербурге этой дряни тоже хватало, но здесь ее было столько, что, казалось, она закрывала солнце. В общем, на голом упрямстве Александр погулял с полчаса и вернулся, решив, что с него на сегодня приключений хватит.

Однако не зря говорят, что дурная голова ногам покоя не дает. Уже утром, проснувшись и убедившись, что укусы насекомых не вызвали у него сильной реакции, Александр вновь преисполнился оптимизма. Скорее, на контрасте преисполнился – вчера, возвращаясь, увидел опухшее от все тех же укусов лицо одного из матросов, тоже решившего обозреть окрестности, и всерьез испугался, что завтра сам будет такой же. Но, видимо, организм его, возвращенный на домашних булочках и закаленный морем, оказался покрепче и справился. Теперь, видимо, решив подспудно, что ему море по колено, мозг требовательно застучался изнутри, требуя хлеба и зрелищ. С хлебом все было в порядке – заменившая Алену кухарка с линкора готовила не хуже. А вот из зрелищ оставалась разве что все та же прогулка по острову. И, подумав немного, Александр вновь отправился на берег. Все же он в душе оставался не наигравшимся мальчишкой и упустить приключение просто не мог.

На сей раз он поступил умнее. Во-первых, прихватил двух матросов – мало ли что можно встретить на пути. Второе многое решается проще, чем в одиночку. А во-вторых, не стал углубляться в заросли, двигаясь вдоль берега. Здесь прорывающийся ветер отгонял насекомых, да и идти было проще.

Как оказалось, ничего интересного поблизости от места их стоянки не было. Несколько ручьев с мутноватой после дождя водой разве что. Берег, на который штормом выкинуло много всевозможного мусора и водорослей, тоже был вполне обычным. На Кубе пляжи выглядели куда более экзотично. Александр уже думал, что стоит поворачивать обратно, когда выяснилось, что на прогулку эту он отправился все же не зря. Правда, в известность об этом он был поставлен довольно оригинальным способом.

Идущий позади Александра матрос внезапно схватил командира за плечо и дернул его вниз. Учитывая, что спутники Верховцева были крепкие мужики, под стать ему что ростом, что силой, он моментально потерял равновесие и грохнулся задницей на мокрый песок. Хотел обругать недотепу, но широкая ладонь зажала ему рот.

– Тише, вашбродь. Смотрите!

Александр невольно перевел взгляд в направлении, указанном матросом, и слова разом замерли в горле. И было от чего. Картина, ему открывшаяся, не поражала красотой, зато производила впечатление содержанием.

Бухта, открывшаяся Александру, не поражала воображение размерами, зато содержание у нее было солидное. В ней, окруженные поросшими лесом скалами, укрывались от шторма два больших корабля. Один – явно военный. Такелаж с такого расстояния было не разглядеть и количество орудийных портов тоже, но обводы корпуса, одновременно и стремительные, и массивные, намекали и на огромный запас прочности, и на способность двигаться с неплохой скоростью. Что собой представляло второе судно – понять было сложно. Очень неудобно стояло. С того места, где находились русские, была видна только небольшая часть носовой оконечности да верхушки мачт. Александр едва не выругался с досады – вот когда пригодилась бы его подзорная труба. И от бурного выражения своих эмоций его удержало только понимание: не стоит шуметь, поблизости могут быть чужие. Вряд ли. Конечно, все же далековато, но рисковать ради пары экспрессивных фраз глупо. Друзей же в этих водах у него не могло быть априори.

– Бегом к нашим, – шепотом приказал Верховцев. – Доложишь Матвееву – и пускай он поднимает людей.

– А вы, вашбродь?

– А я хочу присмотреться к этим голубкам поближе.

Следующие несколько часов Верховцев и оставшийся с ним матрос потратили на то, чтобы незаметно приблизиться к бухте и внимательно осмотреться. Если честно, сейчас капитан предпочел бы не связываться с неожиданными визитерами, но их корабли волей случая оказались слишком близко от места стоянки русской эскадры. Верст пять, не больше – это если по прямой. Разумеется, берегом заметно дальше, но для бешеного матроса семь верст – не крик. А мачты русских кораблей видны издали. Не хватало еще, чтобы непрошенные гости сами их обнаружили – проблемы могли оказаться совершенно непредсказуемыми. Так что следовало хотя бы понять, кого сюда черт принес, а уж потом думать и принимать решение.

Как выяснилось, идея была здравая, вот только исполнить задуманное оказалось не самой простой задачей. Мало того что требовалось скрытно приблизиться к месту чужой стоянки, так еще и местность подобному манёвру совершенно не благоприятствовала. Так что вновь, как и вчера, пришлось пробираться по сырой, топкой почве, окруженным тучей противного местного гноса, да еще и соблюдая маскировку. Ну да русские – они на то и русские, чтобы справиться с чем угодно. Не прошло и часа, как, преодолев очередное болотце, Верховцев со спутником подобрался-таки к месту стоянки чужих кораблей и, заняв позицию на живописно обросшем мелким, но густым кустарником каменистом холме, смогли, наконец, рассмотреть, с кем их свела неверная морская судьба.

Подкрепление к ним подтянулось часа через три. Всё правильно, вначале матросу надо было добежать до места стоянки, потом добраться до кого-то из офицеров. Пока доложил, пока собрались, пока сюда пришли. А ведь остаток пути им пришлось искать Верховцева по следам. Хорошо еще, охотников среди русских хватало, и нашлись среди них те, что не спасовали перед джунглями. А ведь лес здесь весьма отличается от родного, северного. В такой ситуации три часа – это очень, очень быстро.

– Что думаешь? – Матвеев не стал терять время на приветствия.

Гребешков, как обычно при нем, предпочел молчать. Зачем выпячиваться, когда и за тебя все нужное спросят? Все же в Третьем отделении вышколить его успели на совесть.

– Ничего такого, что бы вы сами не увидели, – ответил Александр, обращаясь к ним обоим. – Оказались здесь примерно, как и мы. Зашли в бухту укрыться от шторма, часть людей на берегу. Ведут себя редкостно беспечно.

– Да и чего им бояться, – хмыкнул купец.

Действительно, чего бояться? Они у себя дома. И, судя по тому, как расположились корабли и как перемешались на берегу экипажи, пришли они сюда вместе. И вот с этого момента возникал вопрос: с какого переполоху?

Один из обитателей этой бухты – полноценный военный корабль. Фрегат «Фетида». Александр весьма приблизительно знал характеристики кораблей флота такой третьестепенной страны, как Соединенные Штаты, и даже не опознал толком те фрегаты, с которыми встречался в море. Зато британские корабли, несмотря на их многочисленность, помнил хорошо. Так вот, хотя конкретно этот корабль не нес флага, Верховцев опознал его по названию.

Тридцать шесть орудий, парусный, относительно новый – с момента спуска на воду не прошло и десяти лет. Водоизмещение чуть менее тысячи девятисот тонн. В общем, типичный британский фрегат, который может и самостоятельно в море действовать, и в составе эскадры будет достойно смотреться. Кстати, вроде бы даже отмечился в географии⁹. Непонятно только, почему флага-то нет? Британцы обычно гордо поднимают его в любой точке мира, особенно над военными кораблями.

А вот второй корабль был явным торговцем – большой, пузатый. И – американский, флаг на мачте хоть и был сильно изорван ветром, но опознавался без усилий. Посудина внушительная и названа без особого пафоса – «Чайка». Интересно, что эта сладкая парочка делает вместе?

А вот сегодня и выясним. Александр вновь повернулся к товарищам:

– Какие будут идеи?

Гребешков вновь промолчал, а вот Матвеев ожидаемо не подвел. Все же много в нем от пирата, небось предки капитал сколотили, когда на большой дороге промышляли.

– Я считаю, вступать с ними в бой – не лучший вариант. Причины мы уже не раз обсуждали. С другой стороны, и оставлять их здесь так запросто нельзя. Во-первых, они нас сами могут обнаружить. Вряд ли атакуют, но наверняка постараются организовать погоню, как только доберутся до своих. А во-вторых, первоклассный боевой корабль – это подарок небес! Причем корабль английский, то есть вопросов ни у кого не возникнет. Полагаю, мы в своем праве, и упускать их грешно.

– Поразительно, как совпадает наше мнение, – усмехнулся Александр и повернулся к матросам. – Ладно. Ты, ты и еще вы, двое. Остаетесь здесь, наблюдаете, если будет опасность, что вас обнаружат, уходите. Все ясно? Замечательно. Остальные – за мной. Возвращаемся.

Все же ночи в тропиках исключительно темные. В России такие, пожалуй, разве что осенью, когда бабье лето уже закончилось, а снег еще не выпал. Здесь – почитай круглый год такие. В джунглях вообще хоть глаз выколи.

Отличие от берега, на воде было немного светлее. Светился планктон, слабо, правда – все же после шторма море еще окончательно не успокоилось. Ну и сами корабли были неплохо видны – фонари на них гасить никто не собирался.

Шлюпка двигалась медленно и в полном молчании. Все же всплески от весел, даже если они будут, скроются за шумом волн, а вот русскую речь ни с чем не перепутаешь. Услышат – и все, хана. Даже если не утопят сразу, захватить корабль, имея под рукой десяток человек, уже не получится.

Не в первый раз, справлюсь, мысленно повторял мертвой хваткой вцепившийся в румпель Сафин раз за разом. Не потому, что боялся забыть, а убеждая самого себя в грядущем успехе. Риск, конечно, страшный, но и куш велик. Александр Александрович как сказал: если

⁹ Остров Купер назван в честь капитана «Фетиды», еще один остров назван островом Фетиды, также озеро Фетида, бухта Фетида и так далее.

дело сделаешь – корабль твой. А простому матросу, да еще и молодому, оказаться на мостике настоящего фрегата – удача невероятная.

Конечно, не по чину, однако же командиру на чины плевать, и слово он держит. Иваныч вон тоже кем был? А сейчас? Вот то-то. Как этого командир добился, никто понять не мог, однако же – сделал ведь. И, случись нужда, опять сделает. А что офицерские эполеты кровью даются – так это нормально. Велик куш – велика и плата.

А еще командир удачлив. Об этом не говорят, конечно, однако сколько раз казалось, что – все, конец, а он лишь кривился да командовал. И – ничего, побеждали.

Именно потому за ним и идут. Удачлив, к своим – всей душой. И не жаден, добычу делит по совести. У каждого сейчас в кармане деньги позвякивают, да не медные копейки. В сундучке у Сафина за последние месяцы скопилось уже достаточно, чтобы, когда они домой вернутся, и дом родителям поправить, и коров завести небольшое стадо, да и, может, на свадьбу останется. А что, завидный из него получится жених. А главное, почти непьющий – хоть и крещеная их семья, но кое-какие правила от старой веры родители в доме удерживали крепко. И – правильно делали.

Ну а если сейчас все благополучно пройдет – считай, всё, ухватил за хвост удачу. И он, и те, кто сейчас вместе с ним идут на ночной абордаж. А потому, наплевав на риск и щедро полив уключины маслом, чтоб не скрипели, матросы гребли к смутно виднеющейся в ночи туше британского корабля.

Интересно, что бы сказал Мустафа Сафин, знай он, что командир, которого некоторые за глаза уже называли «железным» не столько из-за того спокойствия, с которым он стоял на мостике под огнем, сколь из-за умения не повышать голос на проштрафившихся подчиненных и без зуботычин доносить при этом до них неудовольствие так, что самому за борт хотелось броситься, переживает сейчас не меньше. И за успех операции, и потому, что разговор перед ней получился неприятный.

Когда Сафин, получив приказ, отправился набирать охотников¹⁰, из-за стола поднялся Куропаткин. Формально по старшинству он был второй после Верховцева, но на совете, который перед этим собирал Верховцев, его не было. Все логично, совет – это только капитаны, ответственные за свои корабли, такое правило Александр ввел с самого начала и соблюдал неукоснительно. При нужде он мог отдать приказ уже в силу того, что командовал эскадрой. Когда была нужда, так и делал, но сейчас был не тот случай. Да и для результата полезно: во-первых, опытные люди могут посоветовать что-то дельное, а во-вторых, когда человек действует не только по приказу, но и понимая его суть, результат лучше. Так говорил отец, так говорил адмирал Бойль. Так говорили, в конце концов, предки – каждый воин должен понимать свой манёвр¹¹. Ну и чувство сопричастности к чему-то большему, чем мостик одного корабля, воодушевляет людей на свершения – это тоже стоит учитывать.

Так вот, если капитаны и так все знали, благо решение было коллегиальным, а штурманы, которых позвали больше для того, чтобы они тоже понимали поставленную задачу и могли работать, не оглядываясь и не дожидаясь окрика, молчали, ибо здесь и сейчас их место было в конце строя, то командиры абордажных групп начали переглядываться между собой.

Ничего удивительного в том не было. Да, Сафин – авторитет для молодых. Потому что сам молод, но успел и на первое, самое опасное дело с нынешними капитанами сходить, и вражеский фрегат подорвать, и еще много где отметиться. Понятно, что его командир первым и отметил. Все так, но остальным, людям вроде бы постарше и в чем-то даже опытнее, малость обидно. С другой стороны, им только что показали путь, которым можно подняться на мостик

¹⁰ Военнослужащий, добровольно (по своей охоте) вызвавшийся выполнить какое-либо рискованное задание. Часто так называли, к примеру, разведчиков.

¹¹ Фраза, как считается, принадлежит А. В. Суворову, хотя некоторые предполагают, что звучала она и до него.

и даже, чем черт не шутит, заполучить себе эполеты. Тут и пример Гребешкова у всех на глазах. Неудивительно, что абордажники с «Эвридики» и «Архангельска» промолчали. А вот Куропаткин встал.

Нельзя сказать, что он выдал много претензий. Только одну: почему безродного матроса прочат на мостик, а его, заслуженного офицера, нет? И не сказанной, но понятной осталась фраза «за то, что женщину увел, что ли?».

И вот тогда пришлось встать уже Верховцеву. Потом ему сказали, что лицо у него стало каменным, а глаза стеклянными. Может, и так. Неважно. Он несколько секунд глядел на оппонента, а затем негромко произнес:

– Видите ли, Виктор Григорьевич, вы не обладаете навыками, которые могли бы поднять вас на мостик.

– Что?

Это прозвучало словно пощечина, и недоуменно-раздраженная реакция офицера была ожидаема. Верховцев пожал плечами:

– Вы с нами уже несколько месяцев. Скажите, вы разбираетесь в такелаже? Умеете прокладывать курс? Стояли за штурвалом?

– Нет, но какое...

– Достаточно первого слова, – прервал его Верховцев. Получилось грубовато, но все промолчали. Сейчас говорил командир – а за этот статус Александр заплатил кровью. – Вы отличный специалист по оружию и, наверное, лучший боец эскадры. Вы храбры. Наверное, вы хороший пехотный офицер – не знаю, я плохо разбираюсь в этом. Но чтобы командовать военным кораблем, этого мало. Потому что ваши люди должны быть уверены: в любой ситуации капитану достанет сил и умения вывести их откуда угодно. Сил у вас достаточно, умения – нет.

– Как будто ваш боцман может больше, – Куропаткин уже понимал, что проиграл спор, но сдаться просто так было противно его натуре.

Александр пожал плечами:

– Он – может. Потому что эти самые паруса в шторм убирал. Потому что за штурвалом стоял не единожды. И потому, что учился. Уже сейчас он может выполнять простые штурманские расчеты. И корабль трофейный он перегонял – справился. Значит, и с людьми справляться умеет, а потому на мостике военного корабля он тоже окажется на своем месте. Я дам ему в помощь своего штурмана, и вдвоем они справятся. Поднатаскается парень – и будет из него вполне приличный командир.

– А сами?

– Штурманскому делу меня учили неплохо. Справлюсь один. А вы, Виктор Григорьевич, если хотите встать на мостик своего корабля, должны не только саблей махать. У вас под рукой лучший специалист эскадры по парусному делу. Воспользуйтесь моментом, возьмите у него несколько уроков. Штопка парусов тут вторична, хотя морскому офицеру может пригодиться и она, но – ладно. А вот управлять парусами, прокладывать курс... Штурман у вас есть, покажет, но помните – тут важна математика. Как у вас с ней? В общем, учитесь, или ваша нынешняя должность так и останется венцом карьеры в этом походе.

Александр сам от себя не ожидал такого. Несмотря на молодость, он говорил сейчас подобно убежденному сединой капитану, и его слушали, не рискуя прерывать. И все бы хорошо, но неприятный осадочек на душе остался. И если что-то пойдет не так...

Темная ночь помогает не только детям появляться, но и учинять прочие непотребства вроде угона шлюпки. Благо единственный, кто исполнял при ней роль часового, бессовестно дрых. Проснулся он уже докладываясь апостолу Петру о своих прегрешениях, а люди, отправившие его на тот свет вне очереди, уже отходили от берега.

Сафин правил осторожно, молясь лишь, чтобы случайно не перепутать. Торговый корабль хоть и велик, но ценности от его захвата – ноль. В бою, во всяком случае. А вот фрегат надо захватить или хотя бы нейтрализовать кровь из носу. И желательно не теряя людей.

За последние недели Мустафа привык к экзаменам. Штурман и капитан по очереди трясли его, как грушу. Хорошо еще изначально читать-писать умел, а не только ножом размахивать. Но теперь он понимал, что все это важно, однако же не слишком серьезно. Основной экзамен ему предстояло сдавать здесь и сейчас, и от результата зависела его дальнейшая судьба.

Вот он, корабль. Высокий борт, усеянный орудийными портами. Сейчас они закрыты, но если что, подготовиться к бою недолго – британцы хорошие моряки и воевать умеют. Сафин понимал опасения командира. Если те откроют огонь... Нет, их, конечно, задавят – линейный корабль сила. Даже если британцы успеют сняться с якоря, в маневре они точно будут стеснены, и «Адмирал» разнесет фрегат в клочья. Но ответить британцы успеют, и тогда погибнет масса людей, которых просто неоткуда больше взять. Своих людей, русских! И, главное, с мечтами о мостике можно будет распрощаться – не с морского дна же корабль поднимать. А значит, надо сделать так, чтобы экипаж фрегата оказался не в состоянии что-то предпринять.

Штурмтрапа они не увидели. Может, из-за темноты, но, скорее всего, его и не было. Сафин изначально не рассчитывал на такую удачу, однако же – вдруг? Что же, трап – не единственный путь, которым можно попасть на борт корабля. Аккуратно подойти к носу фрегата, и – вуаля! Во всяком случае, именно так любил говорить один из офицеров еще там, на корвете, с которого начался их поход.

Якорный канат – тяжело обвисший, сырой, но крепкий. И подняться по нему несложно. Сафин, подобно юркой ящерице, за какую-то минуту забрался на борт корабля – и нос к носу столкнулся с зевающим часовым. Тот от удивления даже рот закрыть не успел. В него и ударил Мустафа трофейным французским кортиком. Как говорил Верховцев – хороший трофей, наполеоновских времен¹². И не запретил носить, хотя такое оружие матросу, пускай даже и боцману, по уставу не положено. Как в воду глядел – пригодился!

Аккуратно уложив труп – уже труп – на палубу, Сафин махнул рукой. На фоне неба его разглядели, и вскоре народ пополз все по тому же многострадальному канату. Мустафа улыбнулся – командир разрешил ему набирать людей на свое усмотрение. И не зря он выбрал не тех, кто лучше всех владеет оружием, а тех, кто умеет лихо, в любой шторм, ползать по мачтам. Здесь не сказать, что намного сложнее, и на палубе они оказались моментально.

Надо сказать, риски понимали все. Никто и рта не раскрывал, дабы не выдать себя лишним звуком. Черная одежда и вымазанные в сажу лица делали их практически неразличимыми в темноте. Единственно, слегка расстраивало Сафина то, что смывать сажу будет долго и тяжело, но до этого надо еще дожить. И потом, доктор обещал помочь – вроде бы есть способы.

Не спеша, очень тихо матросы разошлись по палубе и в два счета переловили еще троих часовых. Вообще, расслабились англичане, службу несли так, словно здесь в принципе ничего не могло случиться. Ну и заплатились, соответственно. Теперь палуба была в руках охотников.

Вторым этапом, обсужденным заранее с командиром, был захват офицеров. Вначале Александр Александрович даже не понял, что предлагает ему боцман – все же он дворянин, моряк, такие хитрости ему незнакомы. Но – согласился, и сейчас британских офицеров просто и безыскусно скручивали прямо в каютах. Тихонько войти, ударить по голове заранее заготовленной палкой (кто-то предлагал мешочки с песком, но решили, что дерево надежней), после чего связать, сунуть в рот кляп и идти дальше. Вот и все, проще только зарезать...

В принципе, на том можно было и закончить – именно так сказал им Верховцев. Ставя задачу, он сразу пояснил: корабли, лишённые командиров, не могут полноценно сражаться,

¹² Французские кортики наполеоновских времен имели прямой клинок, более поздние, периода реставрации Бурбонов – изогнутый.

а значит, справиться с фрегатом будет в разы легче. Но понимал Сафин и другое: сейчас он всем, и матросам, и офицерам, показывает, насколько хорош в бою. И от этого многое зависит в будущем. А потому операцию надо довести до конца.

Сигнальный фонарь зажегся сразу, будто только и ждал этого. Хотя почему будто? Он для такого и нужен. Свет, ясно видимый с берега, тройное мигание. И мучительные секунды ожидания, кажущиеся часами.

Со скалы трижды мигнули в ответ. А потом еще полчаса ожидание, два трупа британцев, не вовремя решивших проснуться и прогуляться по палубе – и по штормтрапам на борт птицами взлетают русские матросы. В считанные минуты корабль был захвачен, та небольшая часть экипажа, что ночевала на борту, скручена и надежно заперта в трюме. И только после этого Сафин наконец понял, что все наконец закончилось, и он справился!

Совсем без шума не обошлось, на берегу кто-то проснулся, и с борта фрегата было видно, как подобно лесному пожару начали вспыхивать, будто расплзаясь в стороны, огни факелов. Впрочем, это было уже неважно – шлюпок у заночевавших на берегу больше не было. Все захвачены и все ныне у борта фрегата. Сафин поднял глаза к небу, посмотрел на медленно светлеющие облака. Все! Теперь уже недолго ждать.

Час спустя «Миранда», деловито пыхтя машиной и пачкая свежим дымом низкие тучи, неспешно вошла в бухту. К тому времени на берегу все уже было решено – прижатые к воде британцы и американцы, убедившись в том, что из кустов палят по всему, что пытается приблизиться, ждали рассвета, чтобы разобраться с ситуацией. Вид корабля под русским флагом, а еще более того русский же флаг над собственным фрегатом ситуацию прояснили моментально. А открытые оружейные порты, готовые извергнуть огонь и смерть, намекнули на бесперспективность сопротивления. Дураков тут не было, и что может сделать картечь с ничем не прикрытыми, столпившимися на пляже людьми, понимали все. Словом, народ на берегу был вроде и храбрый, но к самоубийственным атакам не приученный, а потому оружие побросал без лишних разговоров. Им просто пообещали жизнь...

Оставался второй корабль, но обороняться ему было, собственно, и нечем. На борту не было ни одной пушки, а ручное оружие у команды, точнее, у тех, кто находился в тот момент на борту... Это даже не смешно. «Миранда» подошла к борту корабля, лихо ошвартовалась, и абордажная группа моментально взяла его под контроль. На все про все не ушло и получаса.

– Ну, как тебе корабль? – с улыбкой спросил Верховцев. Иначе не получалось – вид Сафина говорил сам за себя. Недавний боцман сиял, как медный пятак, и, надо признать, трофейный капитанский мундир вполне органично смотрелся на его плечах.

– Отличный корабль. Только грязный.

Действительно, фрегат оказался до ужаса грязным. Такое впечатление, что на нем уже год не убирались. Или, возможно, команда «Фетиды», пребывая вдали от метрополии, решила, что им наплевать на дисциплину. Как бы то ни было, Сафин во главе только что сформированной команды уже второй день наводил порядок. Но – нет худа без добра. Заодно разобрались с такелажем – на каждом корабле он имеет свои особенности, и очень хорошо, если есть возможность разобраться с этим без особой спешки. Ну и освежить заодно запасы пресной воды. Фрегат только что пришел с дальнего похода, и дела с этим на борту обстояли неважно. Провизией, разумеется, поделились другие корабли эскадры, а воду набирали прямо здесь, благо чистых ручьев нашлось в достатке.

А вообще, интереснейшая ситуация. Фрегат занимался научными изысканиями. Это вообще любимое занятие британских исследователей – разбираться с загадками природы с борта военного корабля. Вполне разумный подход, стоит признать – имея за спиной тяжелые орудия, заниматься наукой удобнее. Во всяком случае, можно не обращать внимания, к примеру, на всяких надоедливых туземцев.

Корабль, вообще-то, возвращался в Англию, но тут подвернулась интересная работа. Слухи о том, что в этом районе действует русская эскадра, разошлись уже широко. Русских боялись английские купцы, хотя, если честно, перехватили они не так много кораблей. Может, процента два-три от общего числа. Но у страха глаза велики. А так как страх – вещь рациональная, да и слухи имеют свойство искажаться, то боялись эскадру Верховцева не только англичане с французами, но и все остальные – так, на всякий случай.

Неудивительно, что, когда встречный американский корабль предложил британцам сделать небольшой крюк и сопроводить их до места назначения, те согласились. Деньги всем нужны, тут никаких вопросов нет. А вот к грузу имелись.

В трюме корабля без намека на комфорт располагался «живой товар». Он же «черное дерево», он же... Впрочем, неважно. Корабль «Глория» шел в Чарльстон с грузом рабов.

И вот тут Александр впал в легкий ступор. Британцы вроде как бы перехватывали корабли с рабами, блокируя Африку и всячески мешая работоторговле, а тут... Нет, Верховцев не строил иллюзий по поводу мотивов островитян. Им плевать было на негров, да и самому Александру, если честно, тоже. Своих забот по горло. Но то, что британцев негры сами по себе не интересовали, то вот нанести урон экономике конкурентов – дело святое. Однако получается, если им заплатить, они еще и помогут. Вот же...

Осмотр «Глории» произвел на всех удручающее впечатление. Жуткая вонь от пересекших океан в трюме людей, всю дорогу практически не видевших солнца, в жутких условиях, буквально как сельди в бочке... Если верить записям в здоровенной амбарной книге, которую вел помощник капитана, исполняющий помимо того обязанности суперкарго, в пути погибла и была выброшена за борт пятая часть живого груза. И все равно их было тут очень много. Мужчин, женщин, детей...

– Что будем делать? – спросил тогда Александр.

И все присутствующие замолчали, обдумывая расклады. Вопрос был, на самом деле, совсем нешуточный. С одной стороны, груз предосудительный. С другой – корабль американский, а они сейчас если не союзники, то торговые партнеры, честно исполняющие свои обязательства. Вот если б он шел из того же Чарльстона в Европу, например, с хлопком... Военная контрабанда, все законно и оправданно, а так – извините, груз идет в другую сторону. Плюс к тому, у русских имелась собственная национальная особенность – крепостное право, в котором, случалось, меняли людей на собак. И это притом, что большая часть экипажей с Севера, где крепостного права не было в принципе, но заочно ненавидели его искренне. И что дальше?

А потом заговорил Диего. К его мнению прислушивались, так как он знал колониальную жизнь лучше всех остальных и видел ее, что называется, изнутри. Все же опыт дальних плаваний – хороший учитель. А еще потому, что, в отличие от русских, к самокопаниям он был не склонен. Ну и, стоит признать, его русский за время походов заметно улучшился, так что режущие слух рубленные фразы ушли в прошлое.

– Был я на одном острове, – задумчиво сказал он, набивая трубку. – Далекотуда, за Великим¹³ океаном, ближе к Индии.

Все терпеливо ждали, пока он ее раскурит, выпустит в небо густой клуб дыма и продолжит рассказ. Пытаться ускорить процесс было абсолютно бесполезно и давало, скорее, обратный результат. Все это знали, а потому молчали, и, наконец, сделав несколько затяжек, испанец продолжил:

– Там была португальская колония. И на острове том не держали рабов. Негров в колонии хватало, и работали они на плантациях, да и много еще где, но получали за это деньги, были свободными людьми. А рабов не было. Не потому, что это запрещалось. Любой планта-

¹³ Он же Тихий, но это для жертв ЕГЭ, если что.

тор, имея собственность на соседних островах, держал там рабов. А вот на этом конкретном острове держать их было не принято. Не одобрялось это обществом.

Диего сделал паузу, явно ожидая реакции на свои слова. И, разумеется, дождался – за время совместных походов все изучили правила игры, и, естественно, следовали им. А потому Гребешков спросил:

– Что там было-то? Не томи уж.

– Все просто вышло. На них совершила нападение британская эскадра, и местные отбились. И рабы-мужчины попросили дать им оружие, заняв места рядом со своими хозяевами. Дело получилось жаркое, крови пролилось много. После того, как британцев заставили отойти... Я не помню всего, вроде там пришла на помощь наша... испанская эскадра... В общем, белые решили, что они не могут владеть теми людьми, с кем воевали плечом к плечу. И с тех пор рабства там нет – рабы заслужили свободу и доказали свое право на нее.

После непродолжительного молчания, когда все переваривали без сомнения занятую и поучительную, но непонятно, каким боком относящуюся к ситуации историю, Матвеев осторожно поинтересовался:

– А эти-то, здесь и сейчас, тут при чем?

– Так я ж вам и говорю, что ни при чем. Там люди с таким же цветом кожи доблестью своей доказали, что они не рабы. А эти предпочли смерти рабство. Даже когда появились мы и началась неразбериха, никто лишней раз не дернулся. Мы тут ничего не можем поделать. Захотят освободиться – сделают это без нас. А нет... У них ведь почти никто не скован.

Действительно, цепи были лишь на нескольких рабах, видимо, самых буйных. Остальные же сидели просто так. Ну, что же, логика Диего была спорная, но, во всяком случае, позволяла оправдаться перед самими собой. Американский корабль отпустили. Единственно, капитану рекомендовали повременить с выходом в море до того, как русские покинут остров. Каких-либо возражений у него это не вызвало – и так был в полуобморочном состоянии, когда узнал, что не лишится корабля и груза и не кончит жизнь нищим на помойке. Британские же моряки... Захочет американский капитан – доставит своих незадачливых компаньонов на материк. Не захочет – останутся на острове до следующей оказии, благо места оживленные, и корабли сюда время от времени заходят. На острове серьезных опасностей нет, проживут как-нибудь.

Наблюдая за тем, как неспешно уходят за горизонт очертания столь щедрого к ним острова, Александр размышлял о том, насколько удачно все сложилось. И потому, что захватили еще один корабль, причем настоящий военный, хорошо вооруженный. И потому, что информация эта скоро дойдет до британцев и наверняка вызовет нешуточный скандал где-то в верхах.

Да-да, именно скандал. Одно дело, когда русские корабли неспешно пиратствуют у побережья Америки. Урон от них, конечно, имеется, но, давайте уж говорить честно, невеликий. Из всего, что сотворил Верховцев, по-настоящему чувствительным укусом можно назвать разве что рейд на Галифакс, и то больше случайный. А потому, несмотря на вопли испуганных купцов, этим можно было пренебречь или, в крайнем случае, спихнуть вопрос на союзников-французов. Тем более что, как считали британцы, на море от них все равно мало толку. Это, конечно, ерунда, у французов хватает и первоклассных кораблей, и хороших капитанов, но кто ж такой Верховцев, чтобы спорить с мнением авторитетных лордов Адмиралтейства? Вот то-то!

Однако сделанное ныне – хорошая такая, смачная пощечина всему Ройял Нэви¹⁴. Вконец обнаглевшие русские захватывают британский фрегат, цинично наплевав на то, что Британия – владычица морей! И если возле Архангельска это выглядело более случайностью, то здесь, в водах, которые британцы уже несколько веков считали своими, плюя с мачты на мнение Испа-

¹⁴ Королевский военно-морской флот.

нии и Соединенных Штатов... Нет, это уже оскорбление, которое надо смыть любой ценой. А то ведь перестанут и уважать, и бояться, а это чревато. И, следовательно, придется им сюда посылать действительно крупные силы, вырывая их с европейского театра, и без того напряженного. И это, как надеялся Верховцев, станет уже серьезной помощью его стране.

Ну что же, пускай теперь гоняются за призраком. Дождаться, когда британский флот станет всерьез охотиться за ним, Александр не собирался, и остальные капитаны были в том с ним солидарны. Какой смысл? Они уже сделали немало, и для страны, и для своего кармана, так зачем огород городить? Бить врага надо там, где ущерба ему нанесешь много, а вот риска будет мало. И потому эскадра взяла курс на зюйд, уходя из грозящих вот-вот стать негостеприимными морей.

Мексику Верховцев обогнул по широкой дуге. Все же там сейчас всю громыхает гражданская война, и в этой мутной водичке ловят рыбу все кому не лень. Встретиться можно было с кем угодно, а русским, желающим, чтобы их курс остался в тайне, осложнений не хотелось. Поэтому эскадра держалась подальше от берегов и дошла так до самого Сантоса, что на юге Бразилии.

Откровенно говоря, этот городишко, славный в основном экспортом кофе, никого не интересовал. Русские планировали идти без захода в порты аж до Аргентины. Почему? Ну, тут все просто.

Русским нужны были люди. Все же экипажи, пускай и изрядно пополненные в Соединенных Штатах, с появлением нового корабля оказались заметно урезаны. Для управления кораблем людей оставалось вполне достаточно, да и морской бой выдержать не проблема. Но вот для abordaja и формирования призовых команд народу оставалось маловато. Диего же все жаждал набрать земляков, и его можно было понять.

Откровенно говоря, стоило попытаться сделать это южнее, к примеру, в Венесуэле. А что? Страна, раздираемая то мятежами, то переворотами, то гражданскими войнами, не лучшее место для жизни. Особенно для простых людей. И найти там желающих попытать счастья в море не так сложно. Да и в соседних с ней государствах то же самое творилось. Откровенно говоря, изначально так и планировалось – набрать людей, вернуться немного на север, продемонстрировав окружающим, что собираются вновь пощипать Канаду, а потом незамеченными уйти на юг. Но, увы, позиция Кубы и последовавшие за этим приключения внесли в расклады свои коррективы. В результате Диего предложил идти в Аргентину – и с ним согласились. Но, увы, шторм из тех, что были в этих водах нередки, заставил их отклониться от выбранного курса. И вот они в Сантосе, занимаются мелким ремонтом.

Бразилия командование эскадры не интересовала вообще. Диего – потому, что это была португальская колония. А португальцы с испанцами друг на друга смотрели косо – были у них старые поводы недолюбливать друг друга. Обычная история для народов, слишком долго живущих бок о бок и даже однажды оказавшихся в едином государстве¹⁵. Пускай и ненадолго.

Русские же и вовсе не жаждали связываться с самозванной империей¹⁶. Матвеев по старой купеческой привычке старался держаться подальше от любой политики, Гребешков, как и положено офицеру тайной полиции, тоже, а Верховцев и вовсе от всего этого был далек. Морскому офицеру политиканствовать? Фи! В общем, хотели пройти мимо этих берегов без остановок, но – увы, над погодой они пока власти не имели.

Впрочем, в порту к ним отнеслись спокойно и без лишней враждебности. Как ни крути, Бразилия и сама-то была захолустьем, а небольшой порт на юге – захолустьем в квадрате. Так что местные воспользовались моментом, дабы заработать лишнюю пару монет, и за ремонт

¹⁵ Иберийская, она же Пиренейская уния, 1580-е – 1640-е годы.

¹⁶ Бразильская империя существовала в 1822–1889 годах, после объявления независимости от Португалии, но под властью португальской короны.

взялись с энтузиазмом. Ну а русские заодно уж пополнили припасы, ну и отдохнули на берегу после перехода, который, стоит признать, вышел достаточно трудным.

Так уж сложилось – и погода мешала, и корабли на горизонте появлялись не раз. От встреч эскадра деликатно уклонялась, что вызывало удивление у команд. Но топить нейтралов не комильфо, а отпускать опасно – живо всем станет ясно, куда делись русские.

Правда, один раз уклоняться все же не стали – сигнальщик сумел разглядеть французский флаг, и два корабля, оказавшихся в этих считающихся относительно спокойными водах преступно беспечными, были решительно атакованы.

Жаль только, настрой русских на драку оказался неоправданным. Лишний раз встряхнуться им не мешало бы. Увы, французские корабли оказались торговыми, и, увидев перед собой боевые корабли под русскими флагами, их капитаны решили не искушать судьбу. Вначале, конечно, они попытались уйти, но тут же выяснилось, что даже «Адмирал», не блистающий идеальными обводами, все же заметно превосходит их в скорости, а уж уйти от фрегатов и вовсе нереально.

«Соловки», именно так переименовали «Фетиду», оказался неплохим ходоком, а уж про «Эвридику» и говорить не стоит. Вид же открывающихся орудийных портов и вовсе отбил у французов желание сопротивляться, и они, не дожидаясь предупредительного выстрела, легли в дрейф и покорно приняли на борт призовые команды. В результате оба трофея плелись теперь в хвосте эскадры в ожидании того, что их кто-нибудь выкупит, положив в карманы победителей определенную сумму денег и заодно избавив их от этих медлительных и неуклюжих корыт.

В Сантосе к их желанию отнеслись с пониманием. Цену, правда, назначили... В общем, Матвеев торговался долго и мучительно, однако к концу дня, вернувшись, был раздражен и ругался так, что даже Гребешков и Верховцев, люди в морских выражениях опытные, смотрели на него с уважением.

Как он сказал, евреям до этих выходцев с Пиренеев далеко. Где-нибудь в Соединенных Штатах они смогли бы получить вдвое больше. Впрочем... Легко пришло – легко ушло. Деньги, немного подумав, разделили между матросами – людям надо отдохнуть. В результате кабаки и бордели города сделали неплохую выручку, хотя, стоит признать, цены оказались божескими. Вот только если питейные заведения были самые обычные, как в любом другом портовом городе, то с борделями в маленьком провинциальном городке истинно христианской страны дело обстояло так себе. Всего два, трапезного вида, а уж женщины...

Работали здесь в основном индианки либо самбо¹⁷. Продукт смешения рас получился, откровенно говоря, так себе – и на лица, и на фигуры. Да и сами индианки тоже не блистали. Плюс большинство были, скажем так, не первой свежести и далеко не юного возраста. На таких полезешь разве что с голодухи. Кубу оставалось вспоминать с тоской. Неудивительно, что матросы развлекались в основном потреблением горячительных напитков. Стоит признать, кабаков, несмотря на общую неказистость городка, хватало, вино в них было без особых изысков, но качественное, а цены вполне приемлемые. Так что моряки развлекались, как могли.

В этой ситуации интереснее всего было наблюдать за Сафиным. Мустафа всей душой жаждал заниматься тем же, чем и его люди – отдыхать после перехода. Увы, пьянство и разврат ему сейчас были недоступны – во-первых, у капитана слишком много забот, чтобы все бросить и ринуться в портовую жизнь. А во-вторых, он сейчас капитан военного корабля, а значит, пьянствовать в тех же кабаках, что и матросы, неуместно. Это мог позволить себе обычный пиратский капитан лет двести или триста назад, и то не всегда. А здесь и сейчас – увы. И сложная гамма чувств, рожденная ситуацией, отражалась нешуточной борьбой на лице молодого капитана.

¹⁷ Результат смешения индейцев и негров.

Впрочем, продолжалось это недолго. Многоопытный Диего хотя и не бывал здесь раньше, но заведение, удовлетворяющее вкусам господ офицеров, нашел моментально. И уже на второй вечер они сидели во вполне прилично обставленной ресторации, слушали музыку, которую играл на удивление неплохой (хотя и немного бедновато одетый) оркестр, и вкушали местные яства. Не то чтобы какие-то за пределами вкусные, но разнообразие после недавнего похода оказалось весьма кстати.

В заведении сидела исключительно «чистая» публика. Даже удивительно, как в такой дыре – а любой губернский городок в России был и больше, и чище, и куда богаче – нашлось изрядное количество вполне респектабельных людей. Правда, сплошь мужчин, что несколько огорчало.

Кстати, людей в партикулярной¹⁸ одежде тоже оказалось немного. В основном заведение было оккупировано офицерами местного гарнизона, чьи мундиры, на глаз офицера европейской армии, смотрелись несколько опереточно и совершенно непривычно. Бравые вояки успешно надирались, однако, как ни странно, задевать гостей не торопились. Как полагал циничный Гребешков, потому что понимали: для гостей из Старого Света их государство выглядит не стоящим вежливого обхождения. В ситуации, когда в твоём порту эскадра, учинять скандалы не слишком тянет.

Весьма предусмотрительно с их стороны, надо признать. И русские отдыхали бы, наверное, до самой полуночи, руководствуясь принципом «Я мыслю – следовательно, можно еще по бокалу», но, к сожалению, всегда найдется кто-то, способный опозлить любую идиллию. Нынешний вечер не стал исключением. И ведь главное, человек этот ничего плохого не хотел и не сделал – он просто, не найдя Верховцева на его бессменном флагмане, отправился искать его в городе. А найдя, сделал то, что должен был – вручил русскому командующему письмо от губернатора. Самое же смешное было в том, что в письме тоже ничего особенного не было – обычное приглашение на аудиенцию завтра, в любое удобное время. Словом, все нормально. Жаль только, настрой сбилось полностью, и в результате веселье как-то само собой улеглось, и посиделки закончились, толком не начавшись.

К резиденции губернатора Верховцев подошел на следующий день, ближе к обеду, в сопровождении пары матросов и Гребешкова. Люди за спиной – это статусность, которую ценят и в Испании, и в Португалии. А еще, после истории в Бостоне, Гребешков предпочитал малость подстраховать своего подопечного. И сейчас, когда имелся незнакомый город в незнакомой стране, где непонятно чего ожидать, он отправился на прогулку сам. Заодно командам было отменено увольнение на берег – так, на всякий случай.

К слову, идти было недалеко. Все же город был маленьким, кроме порта тут, собственно, ничего и не было. Дома плантаторов имелись, конечно, добротные, в колониальном стиле, но такого добра Александр за последние месяцы насмотрелся изрядно.

Как, стоит заметить, и трущоб. Кварталы бедноты что здесь, что в Соединенных Штатах, что на Кубе... Да чего уж там, и в России, и во Франции они тоже ничем принципиально не отличаются. Разве что масштабы здесь, в силу малости населения, поуже. А так – все то же самое. Вонь, слепленные из чего попало халупы и физически ощущаемый дух безнадежности, витающий над грязными кривыми улочками. В общем, есть в этом мире места и получше.

Мелкий, противный дождь, отголосок загнавшего их сюда шторма, зарядил с самого утра. Висящая в воздухе водяная пыль тоже не добавляла этим местам очарования, а самому Александру настроения. Однако же приходилось идти. В конце концов, они здесь гости, и хозяев надо уважать. Хотя бы внешне.

¹⁸ Штатской.

Резиденция губернатора дворцом не выглядела, но, по сравнению с кварталами бедноты, смотрелась много представительнее. Правда, лакей у входа бессовестно дрых, заняв прикрывающую его от дождя нишу сбоку, но и это Александра совершенно не удивило. То, что народ в этих местах достаточно ленив, он убедился уже давно. И если этнические британцы или, к примеру, немцы отличались деловитостью, то выходцы из Испании, Португалии, а в особенности мулаты и негры, использовали для того, чтобы полежать, любую возможность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.